

Геннадий Красников

Нехожеными тропами

(записки лесника)

(из незаконченного)

На третий день после ухода ботаников в экспедицию, вернулся в посёлок сопровождавший их лесник Володька. За день отмахал

по бестропью, без малого, тридцать километров клюкой меряных, да еще седло с уздечкой на горбу принёс.

С Володьки потребовали объяснительную, и отослали обратно в тайгу.

Вечно спешащий и всё не успевающий лесничий примчал в Кокши на лодке, не переждав обычной с утра верховки. Ещё из лодки осветил весёлой улыбкой, ловко выпрыгнув на берег, поддёрнул лодку на песок и, вслед за резким рукопожатием, объявил:

-Готовься, Генаха, на днях тебе идти на смену Вовки. Поведёшь экспедицию дальше, а Смирнов с лошастью в Яйлю вернётся.

-Знаю, Алексеич. Марины недавно сюда приезжали. Всё мы обсудили, наметили, где и когда мне с ними встречаться. Да, ты кажется, сказал, что Володька с лошастью вернётся? Неужели они собираются вторую с отрядом оставлять до конца? С конями дальше не пройти, пусть обоих уводит.

-Запалили они, растяпы, Нежданку на Корбу. Теперь ваша встреча на три дня позднее переносится. Вовка приходил, остальные его сверху ждали. Вчера снова его проводил.

-Запалили, значит. Это что, данные экспертизы?

-А, - коротко сморщившись с безнадёжным выражением отмахнулся лесничий, - какая там экспертиза... Ветеринара надо было посылать, да где его такого взять? Машу-коновала не поведёшь, её в посёлок-то не дозовёшься. Ладно, это тебя не касается, как-нибудь сами разберёмся.

Шилов заспешил было в лодку, но неписанный закон озёрный нерушим – без чашки чая не уедешь, иначе в дружбе трещина. Заварка из разнотравья таёжного духмяного, На сытый желудок не

устоишь, отведаешь чашку-другую. За чаем и беседа основательней. Владимир Алексеевич напутствует:

- Смотри, зря не рискуй. Знаю как ты ходишь, опять полезешь к небу.

- А ты не так ходишь? Не полез бы?

Лесничий поперхнувшись чаем рассмеялся:

-Ты полезешь. Ну, моё дело предупредить. Хоть тебе своя голова дороже, а я тоже за тебя в ответе. Хребет вершинка к вершинке, на любую сядь – зад наколешь. Найдете ли проходы, неизвестно. Если где упрётесь, лучше обойдите или даже вернитесь, но вслепую на рожон не лезьте.

- Минутку, Владимир Алексеевич, не многовато ли ты на меня грузишь? У отряда свои планы работы, утверждённый маршрут. Моё дело дорогу показать, помочь где надо, а уж там пусть начальство решает лезть или не лезть.

- Э-э, нет, друг, не так мыслишь. Заблуждаешься, милейший. Заруби себе навсегда, их дело травки собирать, а твоё – увести и привести людей живыми и здоровыми.

- Приблизительно задание ясно, - усмехнулся я, - жаль что сказано это не в присутствии Мариной.

- А что? – удивился Шилов.

- Так получается, что ты меня ставишь над начальником экспедиции. Что-то тут не того.

- Всё того. Твоя задача не командовать, а хорошо помогать Мариной. Дело своё ты знаешь, а в их дела не лезь, там они лучше тебя разберутся, но без тебя далеко они не уйдут.

- Уяснил. Теперь о другом. Я намерен обследовать гольцовую часть своего обхода вдоль границы, пока ботаники будут работать в верховьях Дыряха. Иначе, смотрю, мы своей лесниковской компанией туда не скоро соберёмся, то покосы, то пожары, а там учёты...

- Хватит, - прервал Шилов, - не перечисляй. Одобряю, но один не ходи. Узнаю, что ходил – бить буду.

-Давай тогда лесника в напарники, если одному нельзя. До места встречи, по дебрям, три дня один буду идти, а в гольцах значит запрещаешь? Не логично.

-Ишь ты, напарника! В такое-то время? Да у меня один пенсионер остался, и тот нарасхват. Не успевают ребята дома переночевать, в баньку сходить, снова в тайгу идти надо. У тебя друзей-туристов много, есть ребята надёжные. Понял?

-Так посторонние...

- Не твоё дело. Оформим.

- Алика возьму? Помнишь, я говорил тебе про фотографа из Барнаула?

- Подожди, подожди... бородатый? Приезжал за материалами для музея? Бери. Кажется парень что надо. Бери. Пропуск на него мы оформим. А на счёт плана твоего, действуй. Если получится всё как задумал, будет прекрасно. Интереснейший район обследуешь. Эх, самому бы! Ну, ничего, ещё походим. Походим!

Уже на ходу лесничий проконсультировал меня по методике ведения наблюдений за медведем. Рывком крепко пожал руку и умчал в посёлок, попутно патрулируя побережье.

С прибытием Альфреда спокойная, размеренная жизнь на лесном кордоне нарушилась. Обаятельный, синеглазый, с вьющейся

седою бородою, он обезоруживает своей доверчивой наивностью. За сговорчивостью и покладистостью кроется завидная настойчивость и целеустремленность. А энергией в организации кино-фотосъёмки вездесущий Фред доводил до изнеможения многие группы туристов, с которыми он исходил Алтай повдоль и продолжает исхаживать поперёк.

Леснику собраться в путь недолго. Добавил к содержимому рюкзака то, что было израсходовано в предыдущем обходе и готово. Нет нужды обременять себя в тайге чрезмерной ношей. В ходьбе холод и ненастье не помеха, а на отдыхе топор от непогоды защитит и уют обеспечит. Не балуют себя таёжники изысканным набором продуктов. Главное – сухари. Тайга обеспечит заваркой для чая. Орех, грибы, ягоды тоже давай сюда. Речка есть, значит уха будет. А то бывает и хищник добычей поделится. Брезгливые в тайге не заживаются.

Альфред воспитан иначе. Заполосная профессия и общение с настырным племенем туристов приучили его всегда иметь всё под рукой, путешествовать, влача на горбу и стол и дом. Он вовсе не возражает против «даров природы», но охотнее воспринимает их как возможную, но не гарантированную добавку к походному рациону. Он даже уверен, что импортная палатка надёжнее защищает от всяких невзгод: холода, ветра, комаров, чем наскоро сооруженный навесик из лапника. Символом таких убеждений послужил его огромный рюкзакище с привьюченным сверху спальным мешком, предусмотрительно закатанным в полиэтилен. Полдюжины футляров с аппаратурой и брезентовая жилетка с бесчисленными нишами и карманами дополняли безупречную экипировку.

Процесс удаления излишек проходил напряженно, каждый предмет Алик отстаивал как совершенно необходимый. Упрямство

этого непрактичного бородача с детским взглядом привело к тому, что в результате отбора наш походный скарб в состоянии поднять разве только пара дюжих вьючных мерин. Ему казалось, что из кучи груза уже нельзя убрать ни единого предмета.

Воспользовавшись перекурком, Алик увлёк меня к каменному застолью, сооруженному скорее для экзотики, чем для практических нужд.

Вперив карандаш в раскрытый блокнот, а в меня строгий, деловитый взгляд, Фред потребовал:

- Рассказывай всё о своей жизни.

Я по возможности внимательно вгляделся в него и всё же не понял. Фред смягчился лицом, ослабил требование:

- Расскажи о работе, что входит в обязанности лесника. Как ты распределяешь время для работы, домашних дел и отдыха? В чём смысл жизни на кордоне?

- Да ты не опупел, старик? Первый раз здесь что-ли? Не знаешь, как мы живём? Зачем тебе всё это? – не понимая Фредовой официальности, начал было я усовещивать его. Но он перебил:

- Знаю, знаю, но может я что-то упустил. Я буду снимать фильм «Один день лесника», план и сценарий у меня уже готовы, нужны уточнения.

- С этого бы и начинал, а то блокнотом сразу пугать взялся. А главный твой вопрос останется без ответа. Я с таким же успехом спрошу тебя о смысле твоей жизни в городе.

- С тобой не договоришься. – Поморщился Алик. – Ладно, тогда скажи, что входит в обязанности лесника?

- Записывай. Знать свой обход...

- Так. Подожди,- черкнув что-то в блокноте, Алик продолжил,-
какая территория закреплена за тобой?
- Вся левая сторона бассейна речки Кокши.
- Площадь обхода?
- Двадцать пять квадратных километров.
- И ты всё обошёл?
- Не всё, но почти. В этой экспедиции побываем и там, где я ещё не
был.
- А сколько тебе времени надо, чтобы обойти всё?
- Вся жизнь! – усмехнулся я.
- Как? – не понял Алик.
- А так, - я стал объяснять. – Обойти вокруг за пару недель можно.
Но этого же мало. Надо заглянуть во все распадки, ущелья,
подняться на все гребни и вершины.
- Это зачем? – Увлеченно строча карандашом в блокноте, не
унимался Алик.
- Чтобы знать, где какая растительность, какие звери, в какое время
и в каких местах находятся, какими путями ходят.
- Ну, узнал, а заповеднику что за польза? – Продолжая быстро
писать, подзадоривает меня Фред, довольный тем, что
«разговорил» собеседника. – Ведь твоя главная обязанность
охранять.
- А чтобы охранять, надо лучше нарушителя знать наиболее
вероятные места проникновения и соблазнительные объекты. И
ещё одно очень важное обстоятельство: В заповеднике у слова
«лесник» имеется приставочка «наблюдатель». Эта приставочка ко

многому обязывает: примечать всё, что происходит в жизни растительного и животного мира, а потом в дневничёк, да в десятки карточек и анкет заносить. Проводить осенние, зимние и весенние учёты животных.

- А используются где-нибудь эти ваши наблюдения?

- Вот уж чего не знаю, того не знаю. Научные сотрудники заповедника уверяют, что наблюдения лесников для них очень ценны. Но они люди корректные. Запиши еще: лесники строят зимовья, чистят тропы, строят переходы и мосты, заготавливают подкормку копытным, подсаливают солонцы, тушат пожары. Вот, пожалуйста, сейчас видишь: в качестве проводников и рабочих участвуют в различных экспедициях.

- Всё ясно, - с весёлой улыбкой заключил Алик и захлопнул блокнот, - а с подробностями ты меня познакомишь по ходу.

- Добро, успевай только лови моменты на ходу.

Утром в день выхода, прежде чем укладывать рюкзаки, подвергли всесторонней критике каждый предмет. Вне конкурса прошли кино-фотоаппаратура с километром фотоплёнки и пакет со свежими овощами – гостинцем нашим будущим соратникам.

Безжалостный подход к набору снаряжения на некоторое время привел в уныние Фреда, но спас от неминуемой гибели наши рюкзаки. Лямки натянулись, жалобно взныли и не оборвались.

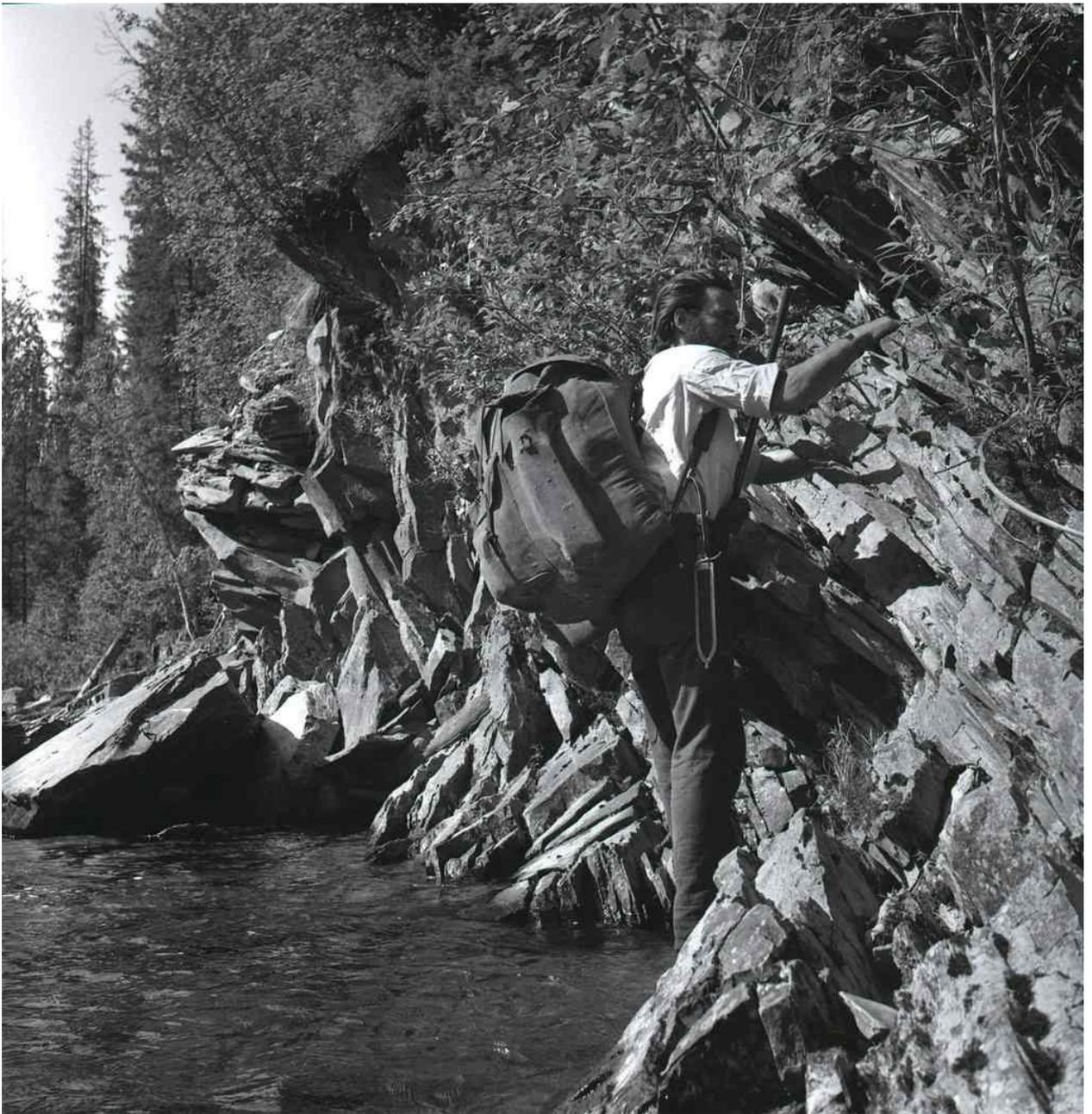
Продвижение по горной тайге – дело нелёгкое. Горные хребты, разделяющие крупные водные бассейны, подступают к рекам отрогами. Каждый отрог, в свою очередь, прорезан более мелкими речками и ручьями. На пути вдоль берега горной речки путника поджидают нескончаемые препятствия: броды, завалы, прижимы. Заросли не позволяют заранее видеть препятствия, которое может возникнуть неожиданно за ближайшим изгибом речки. Следует

считать большой удачей, если в незнакомой местности обнаружишь едва заметную, порой совсем теряющуюся в хаосе зарослей и валежника, звериную тропку. Попытки прийти в намеченный пункт более коротким путем, как правило обречены на неудачу.

Веками таёжные обитатели ходят к солонцам, водопоям, местам кормёжки и охоты одними и теми же, проложенными предками путями. Достаточно раз-другой проявить недоверие к звериной интуиции, попытаться идти «лучшим» путём, чтобы раз и навсегда усвоить истину – зверь ходит там, где удобнее.

Вблизи кордона тропки торные, обжитые. С каждым часом, с каждым километром тайга дичает, тропа исчезает и появляется в самых неожиданных местах. Тяжеленный рюкзак всё сильнее прижимает к земле. Сквозь пот, заливающий глаза, необходимо зорко следить, чтобы тропка не ускользнула.

Фред с первых шагов закрутился в своей плоскости. В симфонию таёжного звучания включилось стрекотание киноаппарата, защелкали затворы фотокамер. Пока в его распоряжении единственная жертва – я. И пощады мне нет. Игнорируя пресс тяжести рюкзака, сценарий требует вышагивать молодцом на усталых ногах, повисать над пенистым потоком, судорожно цепляясь за куст или выступ. Всё это с дублями, в бодрых и непринуждённых позах. Восхищает неутомимость самого Алика. Охоте за бесконечными уникальными фотообъектами сопутствуют броски вперёд, в стороны, поспешные навёрстывания расстояния. Алик безупречно выполняет требование: съёмки съёмками, а главная цель – вперёд. Но вот завечерело. Поблекли краски, ослабло освещение, прекратилось жонглирование аппаратами.

Сказываются многие часы и километры изнурительной ходьбы. Только стремление дотянуть до ближайшей таёжной избушки понуждает ступать шаг за шагом на непослушных ногах. Рюкзак все увереннее пригибает к земле, а отдыхать некогда. Алик израсходовался и плетется по принципу: нос в рюкзак попутчика. Неожиданно остановился, и он натурально ткнулся лицом в закопченный котелок. Не успев возмутиться, тотчас сменил гнев на милость и флюгером при переменном ветре закрутился с экспонометром. На кротороине глубокий волнующий отпечаток когтистой широкой лапищи. Следов за день было много, но они не

вызывали интереса. Старые, размытые или свежие, но едва заметные на сухой тропе, они трудно поддавались измерению и определению их давности. А этот! Совковая лопата с когтищами. И чёткость отпечатка необыкновенная. Вплоть до рубца на подошве. Промерив след спичечным коробком, я занес в записную книжку данные о его размерах, давности, местонахождения и направления движения его владельца. Хорошо бы заполучить фотоснимок.

- Не знаю, не уверен, вряд ли...- приговаривает Фред, выжимая невозможное из аппаратуры, но пленки не жалеет.

Как ни старались наверстать упущенное время, засветло до избышки не дошли. Такая родная и понятная днем тайга, стала зловещей и неуютной. Дебри наполнились подозрительными шорохами, затаившимися силуэтами. Наверное неуверенность, наступающая с сумерками, сохранилась в человеке с древних времен, когда наш прародитель проводил жуткие ночные часы в пещерах и на деревьях. Теперь уже бесполезно придерживаться тропы. Здесь на подходе к избышке подножие склона отступает от речки и тропка размазывается по расширившейся пойме. С предосторожностями, медленно пробираемся вдоль берега. Фред полностью доверился моему опыту и ступая след в след удивляется:

- Вжился ты, старик, в тайгу...- и немного погодя, - Один-то ночью, ничего, ходишь?

- Доводилось от нужды. Но лучше не искушать судьбу. У нас же ни нюха, ни слуха. Да еще слепком. Зверю в пасть может и не угодишь, а через колдобину определенно тяпнешься. – Едва проговорив, я тут же продемонстрировал, неуклюже завалившись меж двух обомшелых валунов.

- Золотые слова, - подтвердил Фред помогая мне вытащить заклинившийся рюкзак и посоветовал, как бы между делом, - А ружьецо-то зарядить бы надо. К чему его вместо палки нести?

- Так безопаснее. – отшутился я.

Видя, что дробовичек остался ночевать за углом избушки, Фред компенсировал мою беспечность. Укладываясь спать, небрежным движением сунул в изголовье зазубренный, валявшийся под ногами топорик.

Следующий трудный, но полный маленьких заслуженных радостей-подарков день увенчался роскошным ночлегом на уютном пляжике. Не успел Алик собрать дровишек, а на берегу, стремясь вернуться в омут, уже трепыхались полдюжины хариусов, вытасненных один за другим. Я так и не разобрался, что его больше поразило, моя оперативность или обилие рыбы в речке. И другого я не понял, почему Алик посмотрев на вздрагивающих и подскакивающих радужных красавцев, попросил убить их. То-ли из жалости, то-ли из опасения, что «дары природы» улизнут в омут?

Уха и умеренная добавочка «для аппетита» настроили нас на приятные воспоминания, затянувшиеся далеко за полночь. Просыпаясь, я замечал, что Алик бодрствует, разравнивая голыши под ложем или подкармливая костер. А на утро Фред привередливо сетовал:

- Не выспался. Река шумит.

- Да ты что? – притворно изумился я, догадываясь, что шум воды мешает ему слышать коварную поступь подкрадывающегося хищника. – Под шум воды только и спать.

- Каждому своё. – Философски изрёк Фред.

Три очкарика встретили нас со сдержанной любезностью. Вторгаясь в их сложившийся коллектив, мы, повидимому, обязаны были пройти чистилище в качестве новичков. Однако продубленные бородатые физиономии и габариты наших рюкзаков несколько подняли наши акции.

Знакомясь, плотный, коренастый парень представился:

- Алексей. – Крепко пожимая руки, по очереди смерил нас оценивающим уверенным взглядом серых глаз и с шутливой серьёзностью обратился к представительницам прекрасного пола: - А что, девчата, пожалуй с таким пополнением, - кивнул в нашу сторону, - взяты будут все преграды. Вот только мне придётся потесниться на вторые роли.

- А нас и за конкурентов не хочешь признавать? – Притворно возмутилась приземистая, с крупными чертами девушка. Угловатые, неженственные движения придают ей сходство с Алексеем. Всё в ней непропорционально, непривлекательно. За исключением глаз. Взгляд человека постигшего истину. - Лида, Алёшу надо остепенить. Поборемся?

- Поборемся, - со смехом поддержала шутку тоненькая, стройная руководительница отряда.

Приветы, письма и чуток помятые овощи завершили процесс вживания в коллектив. Теперь мы равноправные члены экспедиции.

До сего времени наши коллеги перемещались по тайге с облегченными рюкзаками. Основной экспедиционный груз перевозили на лошади. А вчера Вовка заседлал овдовевшего Орлика, погрузил собранные гербарии и поспешил в жилуху. Лида полагала, что впятером мы разделим и как-нибудь унесем то, что

перевозилось на лошади. А теперь взирая на нашу полную выкладку, приуныла. Вслух размышляет:

- Ума не приложу как нам быть? За один раз унести всё невозможно. А носить частями – работать некогда будет.

- Да, коллега, вспомним мы еще не раз трудягу Орлика,- задумчиво потирая лоб, согласился Алексей. – В общем-то я убеждаюсь, что организация труда в вашем заповеднике царьгороховская. При современном уровне техники заниматься подобной ишачкой могут только фанатики.

Под вечер полчища комаров стали отравлять существование. Облачность сгустилась, перед закатом небо загромоздили чёрные, с огненными краями тучи. Земля заколебалась от грозовых разрядов. На тайгу низверглись потоки воды. Ливневый дождь тугими, толстыми жгутами хлестал по пологу палатки и влага, мельчайшими пылинками проникая сквозь брезент, постепенно насыщала спальные мешки, одежду. Сбившись в одной палатке, продремали в полусидячем положении. Татьяна утром подытожила:

- Ночь в позе десантников перед прыжком.

К утру стихия истощилась, обновленная природа наполнилась бирюзой и лазурью. Только речка с поэтическим названием Кокши(голубая пена) утробно ревёт, ворочая в русле валуны. Грязно-желтые валы тяжелыми прыжками несутся под уклон. Выйдя на берег умыться, я не смог выбрать места, где можно было бы безопасно подступиться к воде. Кажется в следующий миг какая-то неведомая сила притянет, подхватит тебя, как невесомый осенний листок и умчит с бешеным потоком. Упругие, хлесткие струи крепко хватают за руки, тянут, влекут в дикую пляску волн.

У слияния Кокши с крупнейшим её притоком Кот-Агачем, на огромном валуне сидит Татьяна. Обняв руками колени и уперев в них подбородок, как зачарованная смотрит на титаническую забаву водной стихии. За её спиной, играючи преодолевая сопротивление снаряда, упражняется с эспандером Алексей.

Фред, будто на охоте, угрем проскользнул мимо меня, и заняв удачную позицию, провел сеанс кино-фотосъемки. Сияет и делится восторгом:

- Чудесно! Непринужденные позы великолепно гармонируют с пейзажем. Кадры сильные будут.

Тайга ликует. А Лида растерянно ходит по лагерю, подолгу стоит на берегу. У неё начинает тлеть план и, если сегодня мы не двинемся дальше, он загорится. Пока о броне не может быть и речи, возможно только завтра уровень воды спадет и позволит нам переправиться. Но Лида выглядит такой обреченно-беспомощной и несчастной, будто промедление её смерти подобно. Не решен еще

вопрос переноски груза. Теперь вот неожиданная проблема с переправой. В экспедиционной обстановке это закономерно. И впредь одна задача будет наслаиваться на другую, каждая будет требовать скорейшего решения.

- Может всё-таки что-то можно предпринять? - Без надежды в голосе и с надеждой во взгляде обращается ко мне Лида, - мы не можем больше задерживаться ни дня.

Мысленно я уже перебрал все известные мне на практике и теоретически способы: вброд, вплавь, на плотике, «воздушную»- по веревке. Посоветовался с Аликом, один вариант сочли возможным.

- Кокши нам сегодня здесь не одолеть, а через Кот-Агач, пожалуй перелезем.

- Каким образом? – Лида оживляется и уже с увлечением уписывает гречневую размазню, которой только что давилась.

- Секрет! – Перемигнулись мы с Фредом. Подправив топор, я объявил: - Пошли, мужики, мост строить. А вы скарб собирайте, - посоветовал изумленно смотрящим нам в след Лиде и Татьяне.

Прошли по берегу до каньона, где Кот-Агач бьётся в теснине и стали подрубать старый могучий кедр.

- Какого красавца загубим, - жестко произнес Алексей, - у нас в Подмосковье за такое бы долго расплачиваться пришлось.

- А что, в Подмосковье случаются подобные ситуации? – наивно любопытствовал Алик.

- В общем-то можно бы и подождать. Вчера свободно могли перебрести, значит и завтра сможем. Да это я в порядке обсуждения. Вы же хозяева этой тайги, а я как бы гость. Надо так

надо. – Скрестив руки на груди, Алексей с покровительственной усмешкой дёрнул плечами.

- Надо, брат. – Заверил я, вгоняя лезвие топора в податливую сочную древесину.

Вскоре Алик по моей вине вышел вчистую как лесоруб. Обнаружилось, что оба не умеют рубить. Алексей, играя буграми мускулов, лупит топором куда попало, вкладывает в удар огромную энергию, а вместо щепок из-под топора летят фонтаны крошек. Алик же, стиснув топор одной рукой поперек живота, другой за горло, ласкает ствол частыми, безрезультатными ударчиками. Глядя на них, я вспомнил первые дни своего внедрения в тайгу. Эх и попотешались же надо мной таёжнички когда-то. Довелось испытать и злую насмешку и презрение, не было сочувствия и снисхождения. Шутка ли: возьмусь дрова рубить – полено не в бровь, так в глаз угодит; зарублю угол у избушки - так в щель не то мышь пролезет – собака с разбегу проскочит. Для тайги это оскорбление, а таёжники и есть частица тайги. Вот и оскорблялись. И учили. Грубо учили, но надёжно.

- Дай-ка, - взял топор у Алика, - Алексей молодой, к тайге не привычный, но ты-то, Фред, до седой бороды дожил, по лесам ноги истоптал, пора научиться. Смотрите. – и показал как надо делать замах и заруб, извлекая максимум пользы из инерции топора, - щепу надо стесывать с последующим подрубом, а уступ делать ровный, чтобы на пеньке потом и посидеть можно было. Да не бегайте вокруг ствола, а рубите с одного места, с обеих рук. Иначе затёс пойдёт спиралью, а ствол встанет на пеньке «морковкой» и пойдёт, куда ему захочется.

Фред с обидой выхватил у меня топор и стал яростно хряпать «как учили». Махал до изнеможения, не уступая нам очереди.

- А теперь смотри! – С язвительной усмешкой и победным взглядом сунул мне под нос изуродованную ладонь. – Вот твоя наука.

Я обалдел. Сроду не подозревал, что за столь короткий срок можно приобрести такие живописные мозоли. Сразу три: два набрякшие, готовые вот-вот лопнуть, а третий даже кровавой.

Когда кедр, вздохнув, с тугим, заглушающим грохот реки шумом, покорно соединил берега, я удаляя вертикальные сучья, незаметно для себя очутился на противоположной стороне. А на обратном пути едва поборол желание сесть на ствол верхом.

- Вот и готово, - облегченно выдохнул, спрыгивая на берег, - ликуй, Фред, твои мозоли отмщены.

С самого начала затея с переправой вызвала в Алексее ироническое отношение к ней. Теперь в ответ на мои слова, он поводит по переносью указательным пальцем, подвинул вверх седелку очков и, глядя на переход, с сомнением спросил:

- Вы уверены, что наши дамы рискнут воспользоваться этим сооружением? По-моему эта авантюрка их не увлечет.

- Тебе видней, - пожал я плечами, - ты с ними давно ходишь, лучше осведомлен об их способностях.

- Да, но мы ходили без элементов высшего пилотажа.

- Ну теперь придётся малость перестроиться. Условия изменились, дальше предстоит сложняк похлеще этого.

- В общем-то Владимир намекал, что с тобой не засидишься,- с задумчивым, прямым взглядом проговорил Алексей, поглаживая подбородок.

В лагере чемоданное настроение. Всё упаковано, увязано, свёрнуто.

- Ну что, мостостроители? Мы готовы, а как у вас? – Встретила Лида нетерпеливо. – Сделали? А то мы собираемся и не верим. Ну а что теперь с этим делать? – Кивнула в сторону мешочков, свёртков, банок.

- Что за вопрос? – Изобразил удивление Алик. Укладывать, разумеется в рюкзаки.

- Так не войдёт же, - рассмеялась Лида.

- Э-э, девушки, хитро подмигнул Фред, - рюкзак шельма, его раскусить надо. На него, вот смотрите, кивнул на меня, - как он со своим обходится, так и вы делайте – всё войдет.

- Да, Геннадий, руководи укладкой, согласилась Лида, - как делить будем?

- Туристы на турбазах поровну делят, а нам по- джентельменски надо. Берите что кому понравится, а укладывать давайте вот так, - наполняя свой, я подсказывал: спальник кладите к спине, острых углов не будет; тяжелое в центр, чтобы рюкзак к спине прилегал; делайте его плоским, чтобы не катался футболом по спине; мелочь нужную в течении дня рассуйте по карманам.

Спустя полчаса с укладкой было покончено. Взгромоздить тяжеленный рюкзакище на спину самостоятельно – не каждому под силу. Но в этом случае есть способ избежать лишней траты энергии.

- Приготовились, - я взял свой рюкзак обеими руками за лямки, - ставим на правое плечо, берем на правое плечо, вторую руку под лямку, подтянули ремни.

Только Алексей, напрягшись, поднял рюкзак прямо с земли и взгромоздил на спину.

- Ого! – Изумился Фред, раскорячившийся под своей ношей. Алексей, покраснев от напряжения, пробормотал что-то невнятное. Лида с Татьяной, взялись за руки, качнулись с ноги на ногу и со смехом заявили, что под таким прессом могут разве только чуток постоять.

Шаг за шагом, медленно дошли до переправы. Свалились изнеможенные в траву, но отдышавшись с изумлением отметили, что идти-то всё-таки можем.

Взглянув на Лиду, я понял, что она переживает за удачный исход предстоящей переправы. Выражение обычно улыбчивого тонкого лица постrojело, бледность, пробившаяся через загар, выдаёт ее волнение. По напряженным молчаливым лицам остальных чувствуется, что все понимают серьёзность и опасность предстоящего мероприятия. Это хорошо. Значит исключены небрежность и опрометчивость. И вместе с тем плохо. Как бы осторожность не превратилась в страх, не переросла в панику. Надо оставить меньше времени для раздумий и колебаний, убедить всех в том, что пройти по бревну можно. Сделать это должен я, как автор идеи переправы.

Вручив один конец веревки Алексею, я проинструктировал его, как он должен страховать и что предпринять в случае моего срыва. Второй конец закрепил за кольцо рюкзака и учтя неопытность стахующего, вопреки правилам, взял собранную аккуратными витками верёвку в руку. Так надежнее, меньше гарантии быть сдернутым. Буду по мере продвижения спускать по витку.

Фред забежал ниже переправы, чтобы одновременно, производя съемки, быть готовым к оказанию помощи. Но я перешел удачно. Фред по этому поводу издал торжествующий клич, радуясь по-человечески за меня, за благополучное начало переправы. Но

фотограф в нём простонал от разочарования – сенсационного снимка не будет.

Обнадеженные веревочными перилами уверенно перешли очкарики. Последним с липовой страховкой идет Алик. Труднее всего идти первому и последнему, когда страховку с берега скорее всего можно назвать возможной помощью пострадавшему, а истинная страховка – собственные возможности. Конечно, и перила не обеспечивают достаточной безопасности, главное их назначение - способствовать преодолению психологического барьера. Фред лишен и этой мнимо-надежной опоры. Уверенно ступил на комель, сделал широкий шаг, затем короче, еще короче и заколебался, балансируя, раскинув руки, попятился. Эх-х! Ну что же ты? Всё, не пройдет теперь. Сразу не осилил, струхнул, теперь попробуй, на смелься. Стоит, вперившись взглядом в круговерть воды, обвис, просел, смотреть тошно. Наконец отрешился от жуткого ведения, перевел взгляд на нас, а мы – воплощение симпатии, улыбаемся, маним пальчиком, удивляясь, разводим руками. Повлияли. Сделав глубокий вдох, Алик запрокинул голову, постоял так с минуту, словно творя обряд прощания с небом, резко выдохнул, встряхнулся, распрямился и пошел. Шел будто примагниченный, не отрывая ступней от ствола. Скорее даже не перешел, а как бы притянулся, поглощая нас потусторонним взглядом. Уму не постижимо, как можно идти по бревну, не глядя под ноги, а он прошел и заверил, что иначе бы не смог.

Соединившись с нами, Фред принялся бичевать себя за минутную слабость. И я проникся еще большей симпатией к этому симпатичному человеку. Только что он преподнес нам пример победы воли над безволием.

Необорудованные, самодельные переправы через горные речки – события исключительные, запоминающиеся. Эта была первым

испытанием решительности участников нашего отряда. Мы одержали маленькую, но важную победу и рюкзаки наши полегчали. Шустро вскарабкавшись с прибрежных камней на обрывистый берег, мы поплутали в зарослях, нашли тропку и без отдыха бодро прошагали с километр. Постепенно первое возбуждение прошло, и темп ходьбы снизился.

Переходы стали короче, зато привалы чаще и продолжительнее. Девчата, едва дотянув до привала, в изнеможении валятся наземь. Бедолага Фред, обвешанный чехлами, коробками с аппаратурой, переставляет ноги как ступы. Я тоже видно хватил в рюкзак лишка, теперь он меня втискивает в тропу. Надежней всех оказался Алексей. Вспомнилась ошибочная оценка, данная ему и Татьяне лесничим: - Не уверен я в том, что с теми кадрами вы везде пройдете. В тебе не сомневаюсь, Генаха, ты везде пройдешь. О Мариной тоже не говорю, она ходок, а вот помощнички её, похоже, ухабистей столичных проспектов дорогу не одолевали.

- Дистрофаны? – встревожился я тогда.

- Да нет, гладенькие, - усмехнулся Шилов, - но бледненькие.

Даже настроенный критически, при первой встрече вчера я не обнаружил изъянов ни в Татьяне, ни тем более в Алексее. Может и были бледненькие, но достаточно прочно задубели, сложением подсаdistые, как раз таежные. И вот теперь, будто вопреки предсказаниям Шилова, Алексей идет ровно, не корячится как мы под рюкзаком. И на привалах, как бы нехотя останавливается, пройдя еще с десяток шагов. Силен, видать, парняга. Хорошо. Завтра можно будет чуток разгрузить девчат.

Повезло с переправой через Кокши. Днем дождя не было и вода резко упала, посветлела. Чуть ниже устья Дыряха, нужного нам левого притока, речка вдвое шире, а глубина и скорость течения соответственно меньше. Вырубили шесты и без труда перебрали, намочившись лишь по пояс. Вода оказалась настолько студеной, что все выбрались на берег с зубовой пляской и разбежались по кустам отжиматься. Собравшись, вновь схватились за рюкзаки, чтобы скорее согреться ходьбой. Фред схватил рюкзак, рванул изо всех сил и вскинул на плечо с необыкновенной легкостью. Лицо его изобразило крайнюю степень недоумения. Сообразив, что в запарке сцапал не свой, он медленно опустил его на землю.

– Это твой? – Не поверил Алик, глядя то на рюкзак, то на Алексея.

-Который? – смешавшись и как-то забавно, по-детски шмыгнув носом, спросил Алексей.

- Да вот этот. – Алик одной рукой легко приподнял рюкзак.

- Да, а что? – Алексей залился румянцем.

- Ничего, - усмехнулся Алик, взваливая свой рюкзакище.

Лида, потупившись, занялась подтяжкой ремней. Татьяна, прикусив губу, пристально посмотрела на Алексея и вздохнула.

- Давайте мне что-нибудь еще, - протирая запотевшие очки хмуро проговорил Алексей.

- Возьми вот это. – Я указал ему на свой рюкзак.

Истинные трудности только начинаются. Дырях – самый труднопроходимый приток Кокши. Около двадцати километров предстоит пробираться давно нехоженными дебрями, без тропы. Речка стиснута крутыми лесистыми склонами с густым, труднопроходимым подлеском. Здесь нельзя идти в обычном понимании ходьбы, здесь придется лезть, перелезать, пролезать, продирааться. Предстоит три – четыре дня продвигаться в основном на четырех точках опоры, выкладываясь до предела. А среди нас выявлен недобросовестный человек. Пока рано делать выводы, но уже есть основание думать, что в критический момент на него рассчитывать не придется.

Я легким тараном, не разбирая пути, вламываюсь в заросли. Сучья, раздражая, цапаются за одежду, ружьё. Больно хлещутся ветки, так и метят угодить в глаз. Девчата на пределе сил, молча, продираются в след за мной, слышно, как чертыхаясь, отнимает у дебрей свои аппараты Фред.

- Ты нас загонишь, - взмолилась Лида и напомнила, что пора место ночлега присматривать. НА прогалинке остановились передохнуть, осмотреться. Сзади продолжительное время было тихо, Лида с Татьяной уже начали беспокойно прислушиваться и всматриваться туда, откуда должен появиться Алексей. Но вот послышалось его приближение. С усилием выпроставшись из крайнего цепкого куста Алексей набычился, вскидывая рюкзак и двинулся было неверными шагами через прогалину, но неожиданно увидел нас, постоял чуток и грузно опустился на траву, не сняв рюкзака. Когда

мы поднялись, Алексей освободился от лямок и, вновь откинувшись на рюкзак, проговорил глухо, не глядя в нашу сторону:

- Я не могу больше идти.

Обменявшись с Аликом понимающими взглядами, я не удержался от злорадного замечания:

- Охотно верю, на себе испытал, - и вернув Алексею рюкзак-недоносок, забрал свой. Хотел продолжить путь с прежней резвостью, да пыл мой быстро поумерился. Оказывается, кроме прочих достоинств мой рюкзак может и нервы успокаивать.

Вскоре путь преградили утесы, сжавшие речку с обеих сторон. Пришлось карабкаться на склон для обхода скал. Вершина утеса оказалась ровной площадкой, покрытой пухлым слоем мха и черничника. Ну кто удержится от соблазна упасть, зарыться в такую перину? Мы тоже не устояли, повалились, наслаждаясь отдыхом, покоем тайги, пряными запахами, которых на ходу не замечаешь. А особенно приятно хоть ненадолго уткнуться лицом в прохладный мох, остужая жгучие комариные укусы. Ох и досаждают же нам эти кровососы. Днем постоянно приходится отмахиваться веткой, а вечером это уже не спасает, да и некогда, руки теперь нужны для благоустройства стоянки.

- Блажен идущий с бородой! – Позавидовала нам Татьяна.

Для ночлега лучшего места, чем это нам не найти. Далековато спускаться поводу, но пейзаж, открывшийся с утеса, возмещает и это неудобство и обилие комаров. У края площадки запылал яростным пламенем костер. Устанавливая палатку, Фред бросил случайный взгляд на запад, замер на миг, и вдруг бросив колышки и оборвав растяжку, кинулся к рюкзаку. Выхватил легкую портативную треногу, установил «Салют» и успел заснять костер на фоне черной косматой тучи, поглощающей солнце.

Снова продираемся через кустарник, завалы, переходим через крупные обомшелые осыпи. Изматывают постоянные обходы скал. Порой кажется, что уже нет сил сделать еще хотя бы шаг. Перед очередным привалом ноги становятся ватными, ноют плечи, а все вокруг плывет и колеблется. К полудню Алексей, тащившийся все время сзади, окончательно сдал. Идти действительно тяжело, очень тяжело. Но ведь тяжело-то всем. Алик плюс к двухпудовому рюкзаку обвешен фото и кинокамерами, боксом с объективами, где один телевик в тоску вгонит. На мне навьючено две трети собственного веса. Стройная, но для такой нагрузки явно излишне «утонченная» Лида напоминает стебель, увенчанный непосильным колосом. Татьяна – рюкзак с коротенькими ножками. Ноша Алексея меньше, чем у любого из нас. Так неужели ему тяжелее идти чем девочкам? Глядя на распластавшегося чуть поодаль Алексея.

Фред медленно отрицательно покачивает головой:

- Не-ет, тут не то. Классический образец «сачка», я таких видел уже. Мерзкий народец, изведет.

- Алик, может ему действительно очень тяжело? – неуверенно пытается защитить своего «помощничка» Лида.

- Без сомнения, - соглашается Фред, - но суть в том, что ему все это кажется вообще непреодолимым. К тому же он убежден, что ему тяжелее, чем тебе.

- Ребята, я прошу вас, будьте снисходительны к Алеше, он впервые в горах, рюкзака вообще не носил. – Таня просительным взглядом подкрепила сказанное и добавила с раскаянием и укором в свой адрес, - это я, дура, уговорила его прогуляться по лесу. Он у нас общепризнанный неженка. Вообще-то он юноша спортивный, просто, кажется, не сумел рассчитать силы.

- Танюша, разве мы недостаточно покладисты? – удивился Фред.

- Или нам следует совсем Алешу от рюкзака освободить?

Татьяна молча потупилась.

С этого привала Алеша не поднялся. Пришлось заваривать обед. Тем временем я сходил на разведку. Прошел вверх по долине с километр и увидел сереющий над темными вершинами кедров далекий пик гольцов. Моё сообщение оживило спутников, но Алеша отнесся к нему безучастно и остался лежать с закрытыми глазами, отказавшись от обеда. Только уступив настойчивым Татьяниним уговорам, вяло схлебал суп и вновь бессильно откинулся на спину.

Провели совет, на котором решили через километр у квартального столба оставить часть продуктов. Это значит, что Лида в истоке Дыряха займется сбором гербария, а нам придется вторично проделать этот адский путь. Разумеется, Алеше идти не придется, Татьяна будет занята с Лидой, а возвращаться предстоит Алику и мне. Оба молчим, но всеми фибрами души сопротивляемся этой перспективе. Ведь будет потеряно драгоценное время, и тогда окажется под сомнением осуществление моего замысла по обследованию Абаканского хребта. Как ни трудно идти, я согласен тащить свой груз до конца, остальные, за исключением Алеши, тоже.

Сразу от обеденной стоянки Алеша безнадежно отстал, хотя тащились мы черепашьим темпом. Мы же покладистые, я взял у Алеши палатку, Алик что-то себе добавил, но и эта жертва оказалась напрасной. У квартального столба дождались его едва приковылявшего в сопровождении Татьяны. Втайне еще надеюсь избежать разгрузки сидим, будто забыв о ней. Но Лида напомнила:
- Что будем оставлять?

Делать нечего, раскрыли рюкзаки и сбросали в кучу консервы – единственное, что можно оставить с наименьшим риском поделиться с расомахой или медведем.

Появляется недопустимое в наших условиях, но неизбежное раздражение и возмущение поведением Алеши. Раз уступив слабости, он уже не может противостоять ей, свыкся с ролью отщепенца. Лида не без основания опасается, что и теперь Алеша не разбежится.

- Алеша, мягко, но с несвойственной ей официальностью и строгостью проговорила Лида, - больше не отставай. Мы идем непозволительно медленно, потому, что ты нас задерживаешь. Теперь рюкзаки легкие, можно идти быстрее.

- Вы спешите? – Криво усмехнулся Алеша. – А у меня темп такой и работать на износ вы меня не обяжете... - Это уже был прежний самоуверенный, надменный Алексей.

- Ах вот в чем дело? – Прозрела наконец Лида.

Фред и я одновременно вскочили, как ошпаренные. Алеша откачнувшись принял оборонительную позу, а мы подхватив рюкзаки, ринулись вперед, чтобы в горячке не наломать дров. Алик яростно ухмыляясь, на ходу, повторяет:

- Алеша! Ну, Алеша!

- Смирись, Алик, ты же предвидел такой исход, разве это впервые? – успокаиваю я, но сам мириться не хочу.

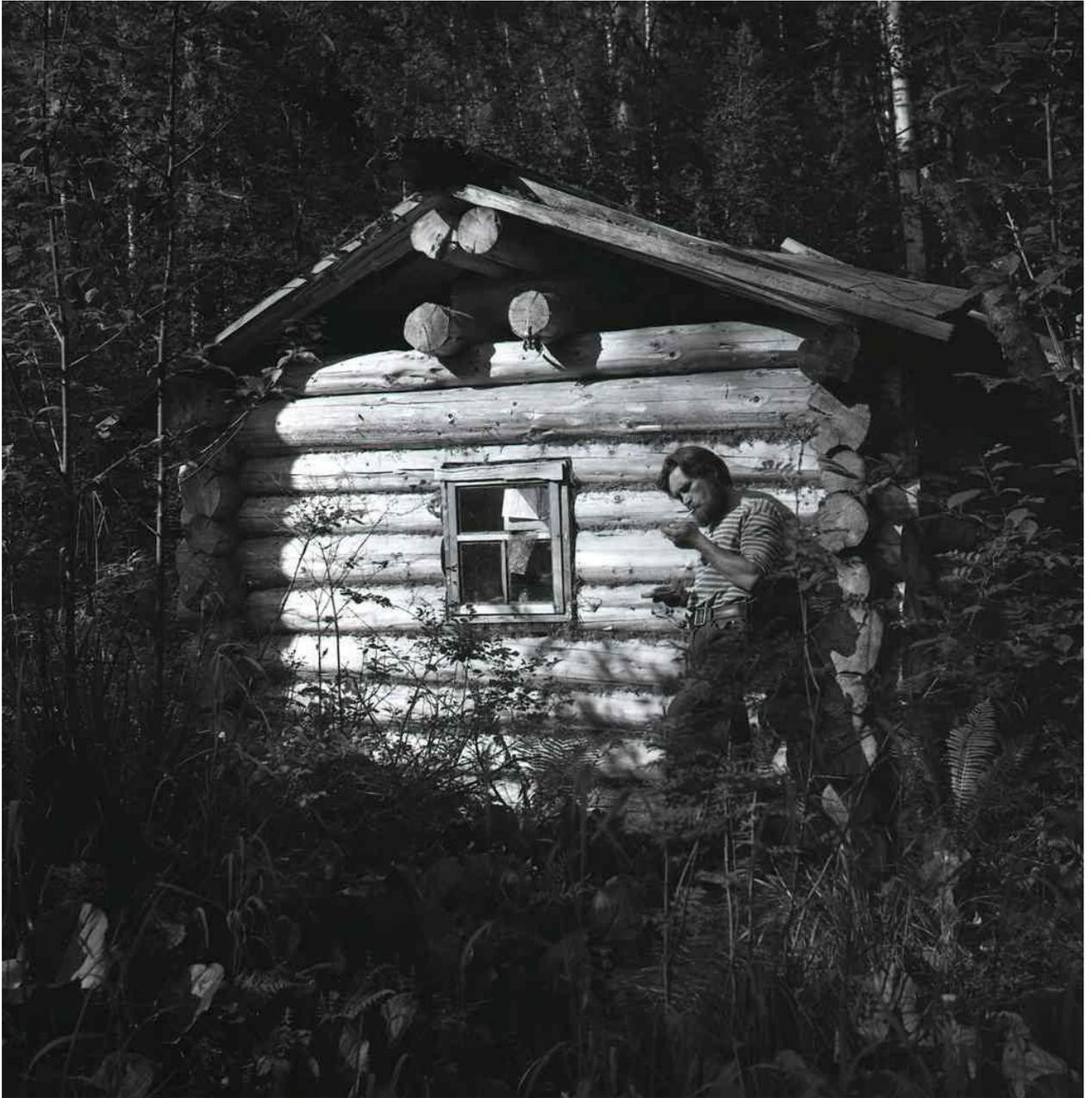
- Ты знаешь, Старик, я уже становлюсь суеверным, боюсь ходить с москвичами. Как узнал, что в экспедиции будут москвичи, под ложечкой заныло, - признался Алик.

- Встречал я как-то самодеятельную группу москвичей, под конец маршрута каждый себе чай отдельно в кружке заваривал.

- Не удивляюсь. Зато компетентны до невозможности, мыслят категориями, выражаются афоризмами. Вот казалось бы смешно, да? Но заметь: с ленинградцами ходить одно удовольствие, а москвич душу вымотает. Что за причина?

- Это у них спросить надо, им сверху виднее.

По слухам, где-то в этих местах должна быть избушка, срубленная еще до учреждения заповедника, когда эта территория опромышлялась охотниками. Найти ее тоже входит в наши планы. Ежегодно в заповеднике появляются новые добротные зимовья, но до Дыряха очередь еще не дошла. А пока старенькое охотничье жильё временно может быть использовано лесниками в зимних патрульных обходах.

Избушка возникла перед нами неожиданно потому, что приметы, о которых поведал бывавший здесь давным-давно обомшелый дед Федя, не совпадали. В связи с этим вспомнились поиски другой подобной избушки, продолжавшиеся четыре года. Каждый раз после наших очередных бесплодных блужданий по дебрям Василий Петрович корил молодых лесников за неприметливость и сообщал дополнительные ориентиры. Наконец избушка-развалюшка была обнаружена случайно, вовсе не там, где ее упорно искали. Вывод – к толкам стариков следует относиться философски.

Наша экипировка позволяет уютно обосноваться в любом месте, были бы дрова, вода, да место для палатки. Но для склада избушка будет местом более надежным. Пока Таня устраивала ночлег, готовила ужин, заботилась об Алеше, мы втроем сходили вниз и к сумеркам вернулись с оставленными консервами.

С трех сторон горизонт уже обрамляют пики гольцов. Тайга поредела, путь стал чище, ровней. Лида с Таней неожиданно обнаружили вокруг себя флору. Алик вспомнил, что фотоаппараты предназначены не только для переноски. Я попутно начал ковыряться в «ароматных» кучах медвежьего помета. Начинаем замечать, что каждому из нас не чуждо чувство прекрасного. Пожалуй за исключением Алеши, охарактеризовавшего вздыбленную панораму окрестных гор суровыми местами.

Еще два-три перехода, один-два перекура и мы были бы на месте проведения основных работ. Но это произошло несколько дней спустя. А сейчас пришлось перестраивать свои действия. Коррективы снова внес Алеша. Перейдя через старую, покрытую мхом и редким кустарником осыпь мы остановились, озадаченные его поведением. Рюкзак его теперь чуть тяжелее школьного ранца и наконец-то он потянулся в пределах видимости. Но вот очередной сюрприз – Алеша преодолевает осыпь на четвереньках.

- Оригинальный способ, стоит зафиксировать, - берясь за фотоаппарат сказал Алик.

- Алик! – гневно вспыхнула Лида и Фред, смутившись, принялся беспорядочно выстреливать в пейзаж.

Ситуация требовала кинуться на помощь, а я уселся на рюкзак затягиваясь сигаретой, спокойно наблюдал за происходящим.

Татьяна, освободившись от груза, вернулась к Алеше, о чем-то с ним перемолвилась, затем потянулась к рюкзаку. Видно было, что

он возражает, но вот рюкзак у Тани, она идет и в след за ней то придерживаясь руками за камни, то распрямившись и взмахивая руками как человек, впервые вставший на коньки, пробирается Алеша. Лида напряженно подалась в их сторону, и кажется с трудом удерживается, чтобы не двинуться навстречу. А я покуриваю, не испытывая угрызений совести, не разделяя сочувственного порыва, овладевшего девушками. Уж если добряк Фред, который дает в придачу всем, кто его в жизни нахлобучивал, даже он очерствел, то что ж говорить обо мне. Не умею прощать захребетничества. Помогать слабому необходимо до той поры, пока спутник не станет злоупотреблять своей слабостью. Сложным человеком оказался Алеша. За короткий период нашего общения я успел испытать по отношению к нему множество различных чувств и, как мне тогда казалось, понял его. Рассмотрел в эффектном теле мелочную душонку и все чувства уступили место презрению, да такому, что сижу вот и безразлично гляжу на его посеревшее с затравленным взглядом лицо и отвлеченно думаю:

- Эк тебя сперло.

Каким уверенным и значительным было это лицо при первом знакомстве, все в нем призывало внимать и следовать. И теперь эта поразительная метаморфоза. Утром Лида предположила:

- Не понимаю, что с ним происходит. Это вы наверно на него так плохо повлияли. До вас он был такой уверенный.

Нет, Лида, ты ошиблась, повлияли не мы, а условия. Это тепличный тип попал в нормальную для нас среду и сник. То, что для тебя, слабой женщины, обычная работа, для него, здорового парня, суровое испытание. Чем только все это кончится, не помешал бы провести нормально работы. Нет и в помине сочувствия, только сожаление о том, что еще долго придется находиться рядом с этой жалкой личностью.

Со временем многое изменится, забудется, переосмыслится, но над воспоминаниями будет главенствовать, увы, персона Алеши.

Интереснее было бы говорить об удивительных девчатах, неунывающим Фреде, таинственной и явной жизни тайги. Нас было пятеро, но героем этих дней явился Алеша, вот почему эти страницы целиком принадлежат ему. Он их заслужил.

Кто терпел в поле рядом с собой, мягко говоря, неприятного однокашника, тот легко поймет, каким тягостным стало для нас время остановок. Надо сказать, что Алеша оказался более способным собеседником, чем ходоком. Не смущаясь своей дневной немощью, он обычно преображался вечером у костра и удивлял своей уверенностью в суждениях. Обычно беседа с его участием начинала перерастать в пикировки. Я перестал принимать участие в разговорах и уходил копить силы для завтрашней работы за себя и этого эрудита.

А вот терпение Лиды, кажется, поистине неиссякаемо. Находясь в известном положении «битый небитого везет», и несомненно сознавая это, она участливо спрашивает:

- Алеша, в чем дело? Тебе плохо?

- Ногу потянул, - утирая пот и морщась, Алеша безвольно опустился на землю.

Стало очевидно, что теперь уйти далеко нам не удастся. Но и здесь оставаться надолго нельзя. Место низменное, сырое, изобилует комарами. И это на полторакилометровой-то высоте! На всем пути нас истязали эти безжалостные кровососы, и мы надеялись избавиться от них хоть под гольцами. Но, похоже, что рассчитывать на избавление пока еще рановато. Будто понимая, что мы вот-вот вырвемся за пределы их досягаемости, комарье просто осатанело. Даже я поколебался в уверенности, что к лесникам кровопийцы

более снисходительны. Тем не менее, меня постоянно все убеждают, что я нахожусь у комаров на привилегированном положении. Конечно, со стороны виднее, но скорее всего это основано на том, что я меньше отмахиваюсь.

Пока Фред с Татьяной готовили обед из комаров, я с Лидой поднялся метров на триста вверх по течению Дыряха. На крутом изгибе речки обнаружили место более подходящее для многодневной стоянки. Есть достаточно ровная и обширная площадка для установки платок, уйма сухого валежника, терраска покрыта толстым слоем мха. Место возвышенное, хорошо продувается и поэтому комаров значительно меньше, чем в сырой, запревшей низине. Под обрывом белопенными каскадами бурлит поток, постепенно смиряющийся на равнине.

Лида сбегала по звериной тропке к воде, опустила руку в холодную упругую струю и весело заявила:

- Ну что, здесь мы неплохо устроимся. Отсюда и начнем обследование гольцов. А ты с Аликом на разведку перевала пойдешь? Когда?

Меня охватила радость от близкого свершения давней мечты. Наконец-то! Лида хорошо знала, насколько увлечен я этой идеей и, по-видимому, нимало удивилась, когда в ответ я только сдержанно улыбнулся. Она ведь не знала, что пять лет тому назад я был не менее близок к исполнению этой цели. И даже ближе. Будучи руководителем сильной группы инструкторов туризма я преодолел главное препятствие – получил разрешение пройти по заповеднику не избитой, открытой для всех Торотской тропой, а нехоженными дебрями, заповедными даже для многих работников заповедника. Нас и пустили-то в основном потому что, были уверены в нашей неудаче. Знали, что мы и до перевала не дойдем, вернемся. А мы дошли, были полны сил и решимости пройти траверсом весь хребет. Все за исключением одного, израсходовавшегося на подступах к хребту. Причина была та же, что и теперь – диспропорция сил физических и моральных. Сдался один, но хребет смеялся в спину всем нам. Лида этого не знала и ждала ответа.

- Знаешь, мне надо сориентироваться. Расскажи, наконец, кто они эти твои работнички.

Лида смущенно улыбнулась:

- Я и сама-то их столько не знаю. Перед самой отправкой в экспедицию мне порекомендовали взять их рабочими. Они приехали в гости и захотели побывать в тайге. Представился удобный случай, и вот они здесь.

- Но они тоже ботаники?

- Нет, Алеша экономический заканчивает, а Таня математик, работает в МГУ.

- Так какое они имеют отношение к экспедиции?

- Ну, вот так получилось. Мне нужны помощники, должны были студенты на практику прибыть, но не приехали.

- Ничего себе, хороши помощнички, - я откровенно рассмеялся.

- Нет, нет. Таня очень добросовестная и хорошо мне помогает, - поспешила заверить Лида. – Ты знаешь, у нее призвание и талант ботаника, она чудесно разбирается в растениях, запоминает быстро. Мы с ней до вашего прихода очень хороший гербарий собрали, с Володей отправили. Она и ходит хорошо, и высоты не боится.

- Татьяну можешь не расхваливать, она за няньку еще успевает управиться. А как могло случиться, что студенты не прибыли?

- Это проблема постоянная, часто подводят. А если и направляют студентов, то мало кто из них переносит поле лучше нашего Алеши. Нынче вот из Томского университета приехала девочка, но я не могла ее взять, она такая толстая. – Меня прорвало хохотом, а Лида, горестно произнесшая последние слова, только уныло-выжидательно улыбнулась, не разделяя моего веселья.

Да и сам-то я хохотал скорее нервически, этот хохот явился, как бы, отдушиной для разрядки постоянного напряжения последних дней. Наконец я успокаиваюсь и мне становится неудобно перед Лидой, она смотрит на меня с упреком. Вот чьей выдержке можно позавидовать. Мы привыкли к обходительной и неизменно улыбчивой Лиде, улыбчивой и в то время, когда впору бы выреваться по-бабьи от неудач.

- Ну а у других научных сотрудников та же обстановка с кадрами? – Спросил я, хотя мог бы и не спрашивать.

- Абсолютно. Из Казанского университета географы приезжали, так были шокированы тем, что при обследовании лавинных лотков надо лазить по таким кручам, по сыпучке. А при виде змеи одна студентка расплакалась и заявила, что уедет домой немедленно.

- Как-то странно это слышать. Они ведь не из кулинарного техникума, мне кажется на такие специальности как биология, география, геология должны идти люди по призванию...

- Да ведь не все же такие! – перебила Лида. – Наш район считается курортным, несложным. Одно название «Телецкое озеро» в заблуждение ввести может. О наших кручах и дебрях многие даже не подозревают. Крепыши на Памир стремятся, а к нам... Ой, да таких случаев знаешь сколько? В расстройство прийти можно.

Вскоре мы с комфортом обосновались на месте многодневной стоянки. Тучи комаров из низины поднялись за нами, но как только мы перестали, раздражая их установкой палаток, заготовкой дров, атаки кровожадных насекомых ослабли.

Не вступая в полемику о вкусах, с детства люблю запах лошадиного пота. Может поэтому запах, исходивший теперь от нас, могу сравнить разве только со свиным. Уже стало невыносимым даже для себя, разувшись, удержать в руках собственные носки. Как только было покончено с делами общественными, каждый из нас поспешил заняться личным туалетом, штопкой и стиркой. Валуны украсились оляпистыми узорами сохнувших одежд.

Фред намылился и, придерживаясь за камни чтобы не смыло, медленно погрузился в омут. Глядя на него, и я не удержался от соблазна.

Ободрало так, словно в кипяток сунули, не вода – эфир. Выскочили на берег, а спустя минуту уже снова с вожделием смотрели на призывно-прозрачные струи. Снова намылившись и, взрывкая, окунулись, потом еще и еще.

К ужину все собрались у костра умытые, причесанные, умиротворенные. Будто зудящую шелуху прошедших дней пути вместе с удушливо едким потом смыло кристально чистой дыряхской водой. Все осталось позади, трудностей и огорчений как ни бывало, взвинченные нервы расслабились. Тихий, теплый вечер. Тишину нарушает только ровный, монотонный басок Дыряха. Идиллия вечера вызвала песню. Под аккомпанемент речки запели о голубых горах, о костре и снеге, переключились на старинные. Но вечер песни не совсем удался. Хорошо получались соло и дуэт, но не могли до конца исполнить ни одной общей. Не спелись. Днем Лида привела в порядок свои записи, подсушила и уложила в гербарную сетку пока еще скромные дыряхские сборы. Теперь для описания флоры гольцов и сбора гербария предстоит немало походить. Прервав неудавшуюся спевку, она снова завела разговор о планах на ближайшее время.

- Что завтра намерен делать? – спросила у меня.

- Пожалуй, отправимся с Аликом вдоль хребта денька на три. Надо границу обследовать.

Лида одобрила с существенным, неожиданным дополнением, которое меня буквально оглушило:

- Вот вместе и пойдем.

-А как же это? – я кивнул на ногу Алеши и он поспешно пришел мне на помощь:

- А если я подежурю? Очевидно, в лагере кому-то надо оставаться?

- Так я и предлагаю сходить втроем, - пояснила Лида и я облегченно вздохнул. – А потом мы с тобой, Танюша, здесь поработаем.

Татьяна согласно кивнула и устремила взгляд на костер. А минуту спустя поднялась и ушла в палатку. Чувствуя, что невольно обидела подружку, Лида задумчиво посидела еще немного и, пожелав нас спокойной ночи, тоже скрылась в палатке.

Утром во время сборов Лида предложила:

- Ребята, а может, Таню тоже возьмем? Она очень хочет сходить, - весь облик заступницы полон сострадания. Фред поднял на нее печальный взгляд, молитвенно сложил ладони:

- Ты добрая, хорошая. Может и нас, наконец, хоть капельку пожалеешь?

- Алик, это будет несправедливо. Она постоянно стремится все делать наилучшим образом и вообще... - Лида не закончила фразу, завидя подходившую к костру Татьяну.

- Завтрак готов. Марш умываться и к столу. Идите, продукты я сама отделю. Быстро, быстро, каша стынет! – Таня прекрасно владеет собой и не похоже чтобы нуждалась в сострадании.

Приключение, едва не погубившее Лиду, потрясло нас с первых же шагов. Вытекая из карового озерца, Дырях-ручеек на протяжении трех километров пополняется множеством других ручейков и мчится вниз по каменистому ложу. В районе лагеря он достигает лишь двухсаженной ширины, а глубина-то и вовсе по пояс. Но стремительный поток до того силен, что кажется физически ощущаешь содрогание скалистого утеса, в который речка ломится на повороте. А нам надо переправиться на тот берег. Обходить у истока – полдня теряется. Внизу брод хорош, но далее путь прегражден скалами, Рядом, чуть выше по течению самой

природой сооружен «чертов мостик». Ствол давно упавшего кедра повис над водой дьявольским искусом. От сучьев уже остались отшлифованные бугорочки, кора опала, обомшелая поверхность влажная от брызг и скользкая. Примерился я с разных позиций, не лежит душа воспользоваться этой коварной переправой и все тут. Помыкался вверх-вниз по течению и снова как магнитом притянуло. Выбора нет. Перебраться хотя бы одному, а уж следующим будет проще.

Подошли всей гурьбой, топчемся у бревна, как обреченные. Татьяна встала с веревкой наготове, глаза шальные, вместо губ – напряженная побелевшая полоска. Нервно, не глядя, боднула локтем что-то говорящего Алешу. Тот в полуприсядке отступил, освободил мне путь к бревну, а глаза больше очков. Бросив еще взгляд на камень, выступающий из воды ниже по течению, за который, возможно, смогу зацепиться в случае срыва, я ступил на бревно. И сразу все исчезло. Не стало слышно грохота и видно бега воды. Не стало ни чего. Я остался наедине с бревном. Нога ставится с ювелирной точностью. Я абсолютно спокоен, вполне уверен в себе. Иначе быть не может, пройду. Шаг, шаг, еще шаг. Все! Тугим взрывом ударил в перепонки грохот воды. Неужели все? А ведь не верил сам. Трусил. От того и пошел сразу с рюкзаком и без страховки. Победа! Ура! Лихорадочно стряхнул с плеч рюкзак и соединил свое ликование с судорожным недоверчивым ликованием «той стороны». Наверное так никогда и не удастся приучить себя без волнения проходить по бревну. Каждая очередная переправа всегда дается на пределе сил.

Татьяна закрепила один конец веревки за обнаженный корень кедра, другой перекинула мне. Здесь крепить не за что. Единственная возможность навести перила, это взять веревку на страховку через плечо. Не особо надежно при моей-то комплекции. Но...

- Страховка готова.

- Иду.

Изящным классическим переступом Фред приблизился ко мне, чем заставил усомниться в необходимости более надежной страховки. Это и усилило мою бдительность. А он сразу занял позицию для съемки переправы и затрещал аппаратами.

Лида, скользя рукой по веревке, легко дошла до середины и вдруг покачнулась. Мгновенно представив себе возможные последствия, я с силой отчаяния натянул веревку. Будто пробуя надежность перил, Лида откачнулась в сторону от центра бревна. Ноги на стволе, а сама всем гибким телом навалилась на перила.

Медленно, будто нехотя, выровнялась, уже быстрее и ниже откачнулась в другую сторону. Прогиб веревки достиг уровня бревна, ноги соскользнули. В следующий миг Лиду уже терзал свирепый поток. Она еще держалась тонкой рукой за веревку, но это казалось чудом. Было очевидно, что это временная задержка, еще рывок, тонкие пальцы разожмутся и взбесившаяся вода завладеет своей слабой жертвой. Надо немедленно бросаться на помощь, но мне ни на мгновение нельзя ослабить натяжение веревки, чтобы поддерживать Лиду повыше над водой. А Фред вошел в азарт киносъемки, увлеченно трещит киноаппаратом, снимая каскад воды под обрывом. Наши крики глушатся шумом воды и он продолжает съемку, пока не усматривает в объективе Лиду. Освободиться от рюкзака, перекрестившихся ремней аппаратуры не так-то просто. Было похоже в тот момент, что он не любезные его сердцу аппараты снимает, а срывает и отшвыривает омерзительных тварей. Наконец он освободился от вериг и, прыгнув в воду, схватил Лиду. Его тоже едва не сбilo с ног, но теперь уже я пришел на помощь. Вся эта бесконечно долгая сцена не длилась и минуты.

Пока Лида приводила себя в порядок после вынужденной студеной купели, я смотал и пристегнул к рюкзаку веревку, которая еще послужит верой и правдой. Фред, ползая по поляне, собрал и нежно обласкал обиженные аппараты. Потрясенные Алеша и Таня провожают нас молчаливыми взглядами.

- Танюша, не волнуйтесь, больше такого не случится, - крикнула на прощание Лида.

Татьяна понимающе кивнула, пытаясь улыбнуться, но улыбка получилась плаксивая, тревожная. Алеша так и запечатлелся недвижимым истуканом с выпученными глазами. Наверное, этот эпизод представляется им эталоном каждого шага в предстоящем нашем пути. Теперь они будут переживать за нас и ожидание должно быть для них очень тягостным.

Кажется наименьшее впечатление это происшествие произвело на саму Лиду. Улыбается, как улыбалась во время купели, и обезоруживает вопросом:

- А что, надо было плакать?

- Да веселого-то мало, - заметил Алик, -случай аналогичный с прошлогодним. Только тогда в инструкторском походе мы не досчитались Лиды Михалёвой. Выловили метров через триста, но было уже поздно.

- Ой, не надо, Алик. Я де трусиха, будете потом со мной мучиться.

А час спустя началась серия новых впечатлений.

Перед гольцом, на границе леса, прямо перед нами, ну до чего близко, поднялась из зарослей карликовой березки маралуха. Грациозное совершенство природы величаво повернуло голову в нашу сторону, спокойно постояло с минуту словно изваяние. Черный влажный бархат ее бездонных больших глаз выражал

предельное удивление. Но не было в нем и тени испуга. Неожиданность встречи приковала нас к месту и замороженные мы стояли не шелохнувшись. Маралуха первой пришла в себя и, решив закончить затянувшееся свидание, словно плывя над кустарником, двинулась к гребню. Так звери могут вести себя в двух случаях: когда впервые встречаются с человеком, или когда после многочисленных встреч убеждаются в безопасности двуногого существа. На сей раз можно предположить первое.

Фред спохватился, вспомнил свое назначение и запоздало начал настраивать телевик. На гребне маралуха остановилась, будто специально позируя для силуэтного снимка. Но в безупречной аппаратуре, как на грех, что-то заело и маралуха, оскорбленная такой неоперативностью, прощально блеснув ослепительным зеркалом на заду, растворилась в зарослях. Фред испустил поток горестных воплей и поклялся впредь держать все четыре аппарата на пузе в боевой готовности.

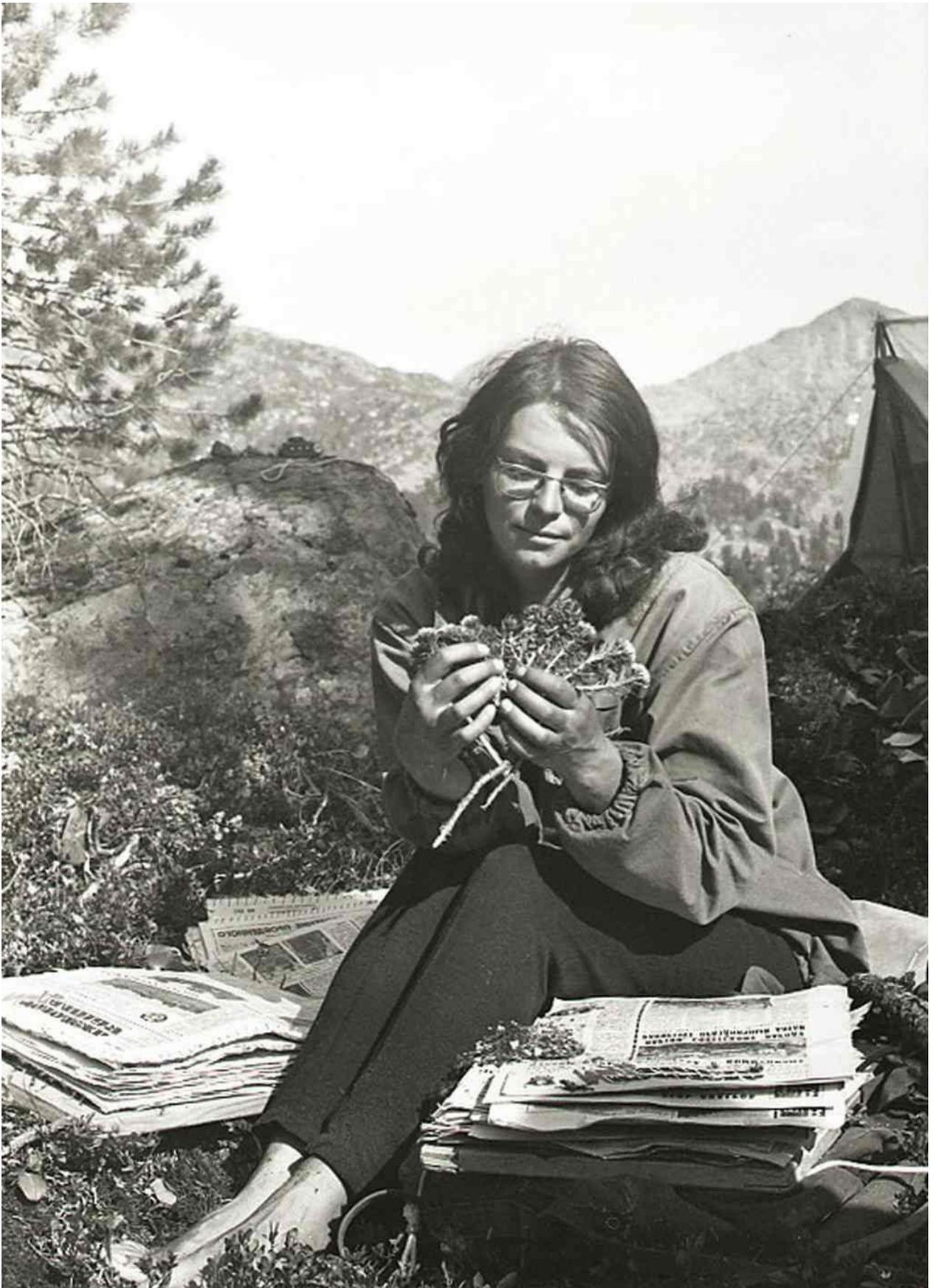
Поспешно, наперегонки поднимаемся к вершине гольца. После свидания с очаровательной маралухой нас подгоняет нетерпеливое ожидание чего-то необычного. Предчувствие не обмануло. Взошли на вершину и остановились пораженные открывшейся панорамой. Взором предстало безбрежное окаменевшее штормовое море. На далеком горизонте, мерцая ослепительной белизной, айсбергом плывет в лёгкой голубой дымке величавая Садон-Кая. Как белый шатер полководца среди серого лагеря древнего войска, выделяется она среди вздыбившихся суровых гольцов. Ближе, прямо под нами раскинулись просторы знаменитой Коль-Тайги. Вот она – мечта промысловиков. Вот оно – легендарное Беловодье. Коль-Тайга многих охотников одарила своими сокровищами, но еще более многих лишила покоя своей недосыгаемостью. Стоит прийти сюда лишь за тем, чтобы хоть раз посмотреть на яркий

ковер альпийских лугов с лазурными вставками озер, на роскошную шубу кедрочей, укрывшую пологие отроги хребта.

Трудно отвести взгляд от манящих горных далей, но промчались первые минуты очарования и, каждый из нас занялся своим делом. Казалось самый удачливый сейчас Алик. Все, что мы сейчас видим, для меня и Лиды возможно не повторится, а он все это снова переживает во мраке фотолаборатории. Впрочем, за Лиду не ручаюсь, а мне-то плакаться не стоит, я приду сюда еще не раз. Действительно, зависть к Фредовой удаче была преждевременной, здесь каждый из нас получил свое вознаграждение.

Лида собрал целый букет невзрачных гольцовых цветов, заставила Фреда ворочать плиты, извлекая из расщелины пучок каких-то чахлах травинок и со счастливым видом, заботливо упрятала свою находку в гербарную сетку. На снежнике, обнаруженном на северном склоне гольца, я увидел пунктир следов. Подтаявшие отпечатки величиной со среднюю тарелку могли принадлежать, по-видимому, только мамонту. Но рассыпанные здесь же катышки кала чуть крупнее кедрового ореха, заставили усомниться в столь смелом предположении. Определить обладателя загадочных следов пока так и не удалось.

В выборе предстоящего пути затруднений не возникает потому, что и выбора-то нет. С хребта берут начало многочисленные

левобережный притоки рек Абакан и Кокши. Склоны рассекаются глубокими долинами и ущельями на горбатые отроги. Северный заповедный склон, обращенный к обширному урочищу Кокши, обрывист, почти повсеместно непроходим. Южные более пологие склоны покрыты живыми осыпями. Безопасно можно пройти только по живописным альпийским лугам Коль-Тайги. Перспектива такой прогулочка заманчива. Но нас интересует именно гольцовая зона хребта, именно среди безжизненного, на первый взгляд, камня гольцов Лида может обнаружить редкие виды растений. Летопись заповедника не страдает избытком информации о флоре труднодоступных гольцовых районов, а этот совсем не обследован. Возможно кто-то и когда-то здесь уже побывал, исследовал и описал, но к сожалению ни каких документов не сохранилось.

Алтайский заповедник один из старейших в стране, но судьба его сложилась так, что он пережил две кончины и три рождения.

Многолетний кропотливый труд учёных, наблюдателей, сборщиков постепенно выветрился из оставленного без присмотра архива и осел преимущественно в частных собраниях и коллекциях. Испытания и крайности не прошли безболезненно и для нашей лесоохранной службы. Старых опытных лесников почти не осталось, а нам приходится делать вторичные открытия. Приятно сознавать себя первопроходцем, продираясь сквозь непролазные дебри, но каково порой параллельно своему пути обнаружить линию затесей и торную тропку, проложенную некогда неведомыми нам предшественниками. Будто ты же в этом виноват, умалчиваешь о случаях блуждания и ночёвках в мороз «под кедрой», когда избушка притаилась за другой кедрой.

Между истоками рек Челюш и Кокши на протяжении тридцати километров участок границы не обследован. Бытует мнение, что вдоль границы на этом участке пройти вообще невозможно. Есть ли проходы через хребет, тоже ни кто не знает. Сейчас моя задача – пройти вдоль границы и обнаружить возможные для постороннего вторжения лазейки. И вот одна уже найдена. Между вершиной, на которой мы стоим, и соседним гольцом прогнулась седловина с пологими склонами. Даже в самую многоснежную зиму здесь не будет карниза. А сейчас хоть караван проводи. Вспоминается предупреждение деда Феди:

- Из Дыряха, парень, один путь – назад. Видно издали когда-то смотрел на эти гольцы, не заглянул в нужный распадок. Лесник леснику рознь, один сам проверит, другой на слово поверит.

Фред сражен роскошью окрестного пейзажа и в предчувствии очередных сюрпризов согласен на что угодно. К тому же им, как и мной, руководит стремление побывать там, куда вроде бы и пройти-то нельзя. Единодушно решили идти лезвием хребта. В этой экскурсии благополучно сочетались спортивные тенденции с запросами и интересами натуралиста. Неожиданные встречи в тайге, прелести природы, радость от преодоления чего-то, все это вещи второ-и-третьестепенные в экспедиции. Главное – работа. Но исследования не были бы столь легко осуществимы и порой вообще невозможны, если бы люди руководствовались только перспективой черновой работы. Побочные эмоции компенсируют однообразие труда, воодушевляют, наполняют оптимизмом. Насекомые, жара, стужа, голод, физическое бессилие, почти неизбежные в экспедиции, не заставят человека отказаться от выполнения основной задачи, если он способен радоваться свежести воды, воздуха, зелени. Если человек способен попутно взбежать на стоящий в стороне холм и осмотреться вокруг, он и задачу быстро выполнит и миру порадуется, вскинув руки к небу.

Понуро идущий по тропе не сделает лишнего шага ни с целью, ни бесцельно.

Очередная увлекательная встреча произошла, едва мы поднялись на восточный гребень соседнего гольца. Утомленные крутым подъемом остановились перевести дух, но не успели снять рюкзаки, как из-за гранитной глыбы с небольшого снежника выскочил олень и быстро скрылся за каменной грядой. Ловко используя для маскировки глыбы камней, зверь долго оставался невидимым, пока не выскочил на открытую площадку сотней метров ниже нас.

Приняв его по привычке за марала, в следующий миг я мог поклясться, что это другой вид оленя.

- Так кто же это? Почему ты считаешь, что это не марал? – удивилась Лида.

Эта область знания находится за пределами ее компетенции. Сколько ни вдабливает она мне названия цветов и трав, я любознательно рассматриваю, запоминаю, а потом в десятый раз спрашиваю об одном и том же. Но теперь мне представилась возможность взять реванш за тупость в познании флоры и блеснуть эрудицией по фауне.

- Маралуха была какого окраса? Вот именно красноватого, Вылинявшие маралы летом красные. Этот сверху серый, а живот и ноги светлые. Марал бы прыжками умчал, а этот иноходью удирает. Идемте на снег, может еще что увидим.

Одного взгляда на след было достаточно, чтобы я не удержался от вскрика:

- Северный олень это, братцы!

Фред ахнул, пораженный моей наглостью.

- Откуда? На Алтае северный олень? – переводя одновременно недоверчивый и скептический взгляд с меня на Лиду и обратно, кумекает – не подвох ли.

- Да вы посмотрите на отпечатки копыт, ведь они не меньше лосиных. А вот еще признак: когда северный олень бежит, у него для увеличения площади опоры копыто сильно раздвигается. Это очень важно для передвижения по болотам и в тундре.

- Но ведь это сенсация, - выставляет последний довод Лида.

- А почему бы и нет? – я не могу сдержать довольной улыбки.

- Но кто нам поверит? Несколько лет назад Шилов тоже говорил, что видел в верховьях Абакана северных оленей, но ему не поверили.

- А фотография разве не документ? – любопытствовал Алик.

- Ты успел заснять? – воскликнули мы с Лидой одновременно.
- Конечно, - Фред скромно выпятив губу, опустил ресницы.
- Тогда продолжим сбор доказательств, - обрадовался я, подбирая со снега оленьи катышки и шерстинки, оставшиеся на лежке.
- Алик, зафотографируй след ос спичечным коробком для сравнения. – Теперь мне стало ясно какому гиганту принадлежал след, обнаруженный прежде на снегу.

День кончается, пора подумать о ночлеге. Запылали пики гольцов под лучами спустившегося к горизонту солнца, загустела темнота в ущельях. С комфортом можно бы расположиться внизу у озера. Обрамленное ожерельем темно-зеленой кедровой куртинки, оно поблескивает агатовой вставкой среди серых каменных нагромождений на дне цирка. Граница леса значительно ниже, а здесь у воды кедры сумели закрепиться, устоять под натиском суровой природы. Сверху это местечко кажется неотразимо приманчивым. Устоять перед соблазном уютного ночлега очень трудно. Там обилие чистой воды, кедры обещают жаркий костер на полянке. Но спускаться надо не менее часа и тот-же бесполезный, утомительный путь придется проделать завтра, чтобы снова набрать высоту. К тому же Алику хотелось бы провести вечерние и утренние съемки с преобладающих высот. На ночлег можно устроиться в соседней седловине у снежника, а для костра использовать сухие веточки карликовой березки. Ухудшение погоды не предвидится, решено – идем в седловину.

Но еще вопрос, как это осуществить. Прямо перед нами, даже правильнее сказать над нами, взметнулась скалистая круча остроконечного пика. Седловина-то вот она, перед нами, до нее по прямой не дальше, чем до вершины гольца, а мы на распутье. Прямой путь самый коварный. Будто-бы и склон-то не особо крутой, но это сплошная живая осыпь, ступи и в момент загудишь

вниз. Можно спуститься гребнем к озеру и логом подняться в седловину, но этот путь значительно длиннее и совершенно не интересен. Самый заманчивой вариант – перелезть через пик. С точки зрения здравого смысла мы бы едва ли его обосновали. К этому мы и не стремились. В минуту принятия окончательного решения сознаем свою ничтожность перед мрачной каменной громадой. Эта первая серьезная преграда решает все. За ней следует вереница подобных. Если ты спасуешь перед первой, то дальше и пытаться не стоит. Тогда придется возвращаться, район останется неисследованным, снова долгие годы будет ждать других, более решительных и еще не известно дождется ли. Обуреваемые стремлением выдержать испытание страхом перед кручей, сомнениями в своих альпинистских способностях, мы решились и пошли. Трудно признаваться в собственной слабости, но куда денешься, и ноги порой становились ватными, и пальцы судорожно цеплялись за уступ. Но вот метр за метром гребень, оцетинившийся лезвиями сланцевых складок и нагромождениями гранитных глыб, пройден. Взошли на вершину с надеждой перевести дух, да здесь-то как-раз чуть было не задохнулись, пораженные редким зрелищем: огромное красное солнце тонет в черной каменной пучине, а с противоположного края неба одновременно высвобождается из зубастой пасти гор такая же огромная золотая луна. Не знаю удалось ли Фреду заполучить достаточно хороший снимок этого феномена, но как он старался, надо было видеть.

Взбираясь на вершину, мы спешили пройти ее засветло. Теперь в спешке не было нужды и, воодушевленные благополучным подъемом, мы спокойно и легко спустились к седловине при мягком и сильном свете полной луны.

Неожиданное затруднение испытали приготавливая ужин. Сырые веточки карликовой березки совсем не горели, а сухих удалось

набрать ровно столько, чтобы на жиденьком костерке только растопить котелок снега. Да и сухие тоже сверху намокли от росы и горели пока на них усиленно дули с трех сторон. Едва прекращалось дутье, сразу оседало слабенькое пламя и веточки чернели. Пришлось ограничиться в ужин сухим пайком, смоченным тепловатой снеговой водицей.

Быстрое наступление ночи в горах компенсируется столь же стремительным рождением дня. Едва первый утренний луч воспламенил вершину гольца, как следующий уже пронзил кровлю нашей палатки. Расплавленной лавой свет с вершин потек по склонам в лощины и ущелья, вытесняя остатки ночи.

Остывшие за ночь горы ускорили наши несложные сборы. Торопливо проглотив холодную тушенку с сухарями, мы выпили остатки воды и снова, как вчера после купания, поспешили согреться ходьбой. Вставшая на нашем пути очередная вершина показалась нам недостойной внимания и мы стали проходить ее склоном, пробираясь в укывшуюся за ней седловину. На подходе к седловине я вылез на крупный камень и тут же съехал с него, шепотом стараясь подавить крик:

- Телевик! Телевик!

Я еще не дошипел, а наученный опытом предыдущих встреч Фред уже со снайперской реакцией вскинул фотоаппарат и спрашивает глазами:

- Где?

Прямо за камнем на снежнике лежал, поводя короной огромных бархатистых рогов, северный олень. Зверь находился так близко, что телеобъектив позволил сфотографировать только голову с рогами. Это был великолепный экземпляр, являвший собой

образец лучших качеств своего вида. Может быть вождь, а если и нет, то держался он все-таки царственно.

Позволив заснять себя с близкого расстояния, почти в упор, олень медленным поворотом головы дал понять, что встреча затянулась и скрылся в камнях.

До полудня дважды поднимались выше двух километров и спустились до полутора. Постепенно вошли в раж и чуть было не зазнались. Что тут сложного? Шаг, другой, уступ, зацеп, подтянулся. Час, другой и мы на очередной вершине, еще час и в седловине. Лида постоянно продвигается с букетом в руке. И вот я наказан за излишнюю самоуверенность. Вышли на край скалистого, обрывистого склона, надо спуститься в седловину к белеющему внизу снежнику. Осмотреться бы, поискать проход попроще, но я начал спуск напрямую. Слез с одного уступа, спрыгнул с другого. Стало ясно, что этим путем спутникам моим воспользоваться будет

трудновато. Еще можно было вернуться, чего я не сделал и о чем в следующую минуту уже сожалел. Сообщив наверх о том, что здесь сложняк, предложил искать обход, а сам на сдвоенной веревке спустился еще на десяток метров. Сдернул веревку, вновь завел ее за выступ, спустился по расщелине и очутился на уютном балкончике. Веревка кончилась, а до снежничка, казавшегося таким близким, еще метров семь. Крепиться здесь не за что, и вверх путь отрезан. Закурил, задумался, и не заметил, как справа из-за скалы появились более осматрительные Фред с Лидой. Битых полчаса я казнил, находясь в состоянии отца Федора, а они не очень уверенно подавали мне советы, ни одним из которых, сами окажись на моем месте, не воспользовались бы. Наконец я остановил свой выбор на едва заметном выступе, которым, будь повыше, ни за что не рискнул бы воспользоваться. Но ничего, камень и есть камень, выдержал. На сегодня я перевоспитан.

Очередная четырехглавая, не впечатляющая со стороны, гора оказалась крепким орешком. Без труда поднявшись на нее положим гребнем, мы с нитьем под ложечкой испытали коварство ее горизонтальной вершины, растянувшейся на полкилометра при максимальной ширине в два шага. Местами вершинный гребень доходит до остроты холодного оружия. Северная сторона – отвесная стена обширного цирка. На южной - хаотическое нагромождение гранитных глыб, порой зловеще покачивающихся от легкого прикосновения.

Лида внимательно наблюдает за мной и затем проходит опасное место, копируя каждое мое движение. Это обязывает меня быть вдвое более точным в своих действиях. Идет она легко и даже кажется беспечно. Особенно в те моменты, когда она совершает прыжок с камня на камень или перешагивает расщелину в метре от обрыва. Только плотно сжатые губы выдают ее внутреннее напряжение. Надо бы ей помочь, подстраховать. Но как?

Организация страховки в таком месте вряд ли нам полезна, скорее она может помешать. Лида не знает элементарных приемов работы с веревкой, да и Алик в этом не слишком преуспел. Путаясь среди камней с веревкой, мы скорее поможем сдернуть один другого. Только собственная ловкость, предельная внимательность и собранность обеспечат благополучное прохождение такого участка. Это тоже самостраховка. Она не всегда признается специалистами, но на практике лишь благодаря ей достигаются успешные восхождения и траверсы. Беспечность в горах не останется безнаказанной, но и без расчетливого риска не обойтись. За Фреда не приходится переживать так остро. Оберегая аппаратуру, он неукоснительно соблюдает святую заповедь альпинистов – три точки опоры. Бережёного бог бережет.

Продолжаем траверс, покоряем вершину за вершиной. Но, памятуя о неизвестности повтора этих скромных побед, уже не столь горячо желаем их одерживать. Пройдены такие участки, на которые вторично нас может и не хватить. Главным образом вперед влечет чувство неизвестности, первооткрывательства, а скалолазанием после четырехглавой кажется присытились. Все больше склоняемся к мысли возвращаться другим путем, углубившись в территорию заповедника. Три оставшиеся слева отрога представляются вполне доступными для прохождения и интересными для обследования. Привлекает внимание одна из вершинок, венчающих средний отрог. Издали просто не верится, что и на нее мы смогли бы подняться. Но едва различимая издали пирамида топознака свидетельствует о том, что когда-то здесь уже поработали геодезисты. Не спортсмены, обыкновенные труженики. Ну а чем мы хуже?

У родничка неожиданно обнаруженного на площадке чуть не на самой вершине гольца остановились пообедать. В ожидании чая, лёжа перед костерком, Фред время от времени оценивающе поглядывает на неприступную вершину. Хочется наверное и там побывать. Но, по глазам видно, устал бродяга. Завидуя путешественникам будущего вздохнул:

- А ведь настанет время, хомо сапиенс идет, идет, надоело, дёрг кольцо рюкзака, взлетел и сел на вершину.

Разжигая его зависть к потомкам и уже зарождающуюся тоску по цивилизации, я дополнил:

- На каждой вершине пивцо холодненькое, свежее.
- Тогда уж пусть по кабачку, вместо тригопунктов. Пиво – грубо, шампанское в ледочке, - привередничает Фред.
- Идет, - согласился я и приблизил заманчивое будущее, - вон на том шише уже кабачек. Шампанское отпускают за телевик или кинокамеру. Угощаешь?
- Потерпи, лучше фильм снимем. Вот вернемся, ух кутанем! И за горы, и за оленей. Ух, кутанем! – Фред мечтательно прижмурившись покачивает головой, облизывает пересохшие, потрескавшиеся губы. И уже он не здесь, На гольце осталась обожженная яростным солнцем, иссеченная ветрами плоть Фреда. А душа его упорхнула под шпиль, в заветный носок «Чулка», где и рыбный день подают лангет и какофония оркестра не вынуждает орать в ухо собеседнику. Упорхнула, заодно прихватив и мою, истосковавшуюся по друзьям. За сдвинутыми столами собралась наша одуревшая от городского чада братия, смотрит на нас, явившихся с гор, слушает про горы, тоскует о горах.
- Пьяницы, не оскорбляйте горы своими алкогольными фантазиями. – Лида безжалостно вернула нас в реальность, - перед таким великолепием кощунствуете.
- Всё, всё, - поспешно согласился Фред, - только позволь нам, пожалуйста, ту вон пикулинку с тригопунктом в честь пьяниц-путешественников наречь Кабаком.

Лида с безнадежной улыбкой отмахнулась, а Фред откинулся на спину и, воздевая руки к бездонному голубому куполу, стал вдохновенно декламировать рубаи Омара Хаяма.

На следующий день, поднявшись на очередное возвышение, мы поняли, что это конец маршрута. То, что считалось непроходимым, пройдено. Далее хребет понижается в сторону Абакана. Вершина

урочища Кокши видна как на ладони. По сглаженному хребту и пологим отрогам можно пройти во всех направлениях. Пока я обследовал на склоне медвежьей поковки, собирал образцы поедей, Алик с Лидой закончили свои дела. Добив последние кадры, Алик упрятал на дно рюкзака драгоценные пленки и вновь зарядил аппаратуру, готовясь к встрече с маралами и медведями, которых я обещал представить ему для портретных съемок, когда углубимся в территорию заповедника. Лида доукомплектовала предельно распухшую гербарную сетку очередными сборами. Обратный маршрут наметили с таким расчетом, чтобы выйти не к истоку Дыряха, а в его среднее течение. Таким образом будет обследована иная таёжная зона и попутно мы сможем забрать оставленный в избушке груз.

Две вершинки взяли походя, а в седловине перед «Кабачком» я остановился, поджидая увлекшихся сбором растений и далеко отставших спутников. Эмоции прошедших дней видимо уже вошли в привычку. Не встретя за полдня ни какой живности, мы идем без вдохновения. Подошел утомленный Алик и, вяло снимая рюкзак, привередливо посетовал:

- Ну, Старик, где же твои маралы, медведи? За границей хоть олени ходят, а у вас в заповеднике пустыня.

Сраженный обоснованной претензией, я молча отошел к краю обрыва, посмотрел вниз и отшатнулся, зашипев:

- Телевик! Маралы! Два марала!

Алик сцапал телевик, мне сунул кинокамеру и, открыто встав над обрывом, мы одновременно стали запечатлеть рогатых красавцев на пленку. Маралы, по-видимому еще ранее почувствовавшие нас, заволновались, но почему-то не уходили. И тут неожиданно, из-под скалы нависшей прямо под нами появились еще два рогача. Вся четверка построилась цепочкой и,

вслед за исполином с роскошной короной, рванулась по распадку вниз к границе леса. Передовой бежал изумительно легко и красиво. Высоко подняв голову с откинутыми на спину рогами, он делал огромные плавные прыжки. Молодые соплеменники постоянно от него отставали. Однако он, вырвавшись вперед, приостанавливался, поджидая остальных и, вновь уходил дальше, уводя за собой все стадо.

Алик поблагодарил меня за выполненное обещание и мы направились на штурм «Кабачка». Совпадение: «Где твои маралы? – Вот маралы!» показалось нам довольно забавным. Но, сюрприз, ожидавший нас на вершине, остался беспрецедентным. На металлической табличке тригопункта прочли четко выбитое название вершины – «Кабуй». Ну велика ли разница? Лида не поверила собственным, вооруженным очками, глазам. Мы великодушно не стали сводить с ней счеты за вчерашнее обвинение в святотатстве. Эту горку, обладая некоторой долей фантазии, можно было сравнить с коренастым стеблем-крепышом. Зато вершина, без всякого преувеличения, копировала раскрывающийся гигантский бутон. Казалось ещё миг, гора дрогнет очнувшись и гранитный бутон распустится. У Фреда даже отпало настроение фотографировать изумительные окрестные пейзажи. Убеждая его и себя в несокрушимости горы, я закурил и с беспечным видом сел на металлический диск тригопункта позировать. Но напрасно старался, фотографировать меня не стали. Впервые гора подавила в Алике инстинкт фотографа. Вершины всегда завораживают и уходить с них не хочется. Особенно в тихую ясную погоду. Но на сей раз мы покидали этот уютный «Кабачек» без сожаления.

Спускаясь по крутому скалистому склону в распадок, мы еще суеверно втягивали головы в плечи, с опаской взирая на мстительно нависающие, растрескавшиеся скалы. Даже щебнистую

осыпь восприняли за благо, она ускорила наше избавление от мрачного «Кабуя».

Однако мести мы всё же не избежали. Она выразилась в одинокой черной тучке, проплывшей где-то в стороне, но пролившей именно на нас водопад дождя и лавину града. Полагая, что эта экзекуция кратковременная, мы укрылись под тентом палатки и настроились сидеть до победы. Не натянутый полог провис, протек и нам пришлось согреться дрожью. А когда наказание прекратилось, мы выглянули из-под тента и ахнули: ручеек журчавший в распадке до дождя, теперь превратился в могучий мутный поток, град толстым слоем покрыл землю.

Под ясным небом все это выглядело как-то не естественно. Даже солнце, как бы смущенное нарушенной гармонией в природе, поспешило скрыться за отрогом. Спасением для нас был теперь лес. Добрались мы до него, оставив на кустах остатки тепла и собрав с них холодную влагу. Но стоило отогреться у жаркого костра и наказание представлялось не таким уж суровым. Вновь за ужином продолжили кощунство, скромно мечтая о чае с ромом. Лида лишь укоризненными взглядами реагировала на наш узкопрофильный юмор. Чаек-то теперь уже попивали с травкой внакладку, с сахаром впридумку.

На последний отрог, отделявший нас от Дыряха, пошли с пустыми животами и легкими рюкзаками. Утром был разделен последний сухарь и теперь наше внимание стало сосредотачиваться преимущественно на съедобных растениях. Сделали открытие немаловажное: в июле прокормиться в тайге трудновато, обходясь одним подножным кормом. А вот восстановить нарушенную кислотность очень простою Можно и переборщить, поскольку из съедобных попадают только растения типа ревеня, кислиц,

красной смородины, черемши, щавеля. На сей раз Алик мог торжествовать: дары природы оказались слишком кислыми.

Добравшись наконец до избушки, мы набросились на продукты будто стремились возместить и вчерашнее, и сегодняшнее недоедание. А к вечеру с тяжелыми рюкзаками притопали в лагерь.

Коллеги несколько изумились нашему появлению не с той стороны откуда ожидали. Первым увидел нас Алеша, торопливо высунувшийся из палатки, где он прятался от комаров. Не видя в лагере Татьяны, Лида спросила у Алеши, суетливо помогавшего нам освободиться от рюкзаков:

- Где Татьяна?

- Там, - указал Алеша вверх по речке в сторону переправы, - я сейчас ее позову, - кинулся к палатке и торопливо стал напяливать правый ботинок на левую ногу. Обнаружив промашку, смущенно засмеялся, исправил ошибку и с криком, - Татьяна, Татьяна, они пришли, - хотел бежать, но Лида уже опередила его, и гибко уклоняясь от веток, стремительно скрылась за деревьями.

Татьяну она застала у переправы, сидящей в излюбленной позе: подбородок на коленях, подтянутых до плеч и обхваченных руками. Взгляд прикован к противоположному склону, в зубах нервно подрагивает травинка. Услышав шаги, Татьяна медленно, как бы нехотя обернулась, скосив за очками унылый взгляд серых глаз, вздрогнула, рванулась, вскочила и, раскинув руки, бросилась навстречу Лиде. Крик радости, боли, жалобы вырвался хриплым стоном. Стиснув одна другую в объятиях, обе дали волю чувствам. Меняясь ролями, успокаивая друг друга, счастливо смеялись сквозь слезы. Потом, не дожидаясь ответа и не успевая отвечать, похоронили себя под ворохом вопросов. В лагере появились подурневшие от слез, но счастливые.

Оказывается, все свободное от работы время в дни ожидания, Таня провела у переправы, изводя себя жуткими ситуациями, в которые она ввергала нас богатым воображением своей чувствительной души. Мы поочередно, дополняя и подправляя один другого, красноречиво поведали еще так живо сохранившиеся в памяти впечатления от нашей вылазки. Таня страстно внимала нашим рассказам, восхищалась Лидой, поражалась обилием разнообразных ситуаций и не могла сдержать то восхищение, то горестных восклицаний:

- Вот это походик! Счастливычики, столько увидели! Гена, а дальше уже такого не может быть? – спрашивает, а у самой в глазах требование и мольба предоставить букет превратностей и испытаний.

Я собрался было успокоить ее и заверить в том, что еще придется хлебнуть горького до слез, но Алеша опередил:

- В общем-то я не понимаю чего ты добиваешься, Татьяна, - запальчиво воскликнул он, указательным пальцем резко поддев съехавшие по переносице очки. – Какой экзотики тебе еще нужно? Кажется зашли дальше некуда. Ты уверена, что отсюда можно благополучно выбраться? Я такой гарантии не вижу. И совершенно не вижу необходимости искусственно создавать себе развлечения сомнительного свойства. Буквально на каждом шагу можно свернуть шею, а тебе мало. Это же преисподняя, преисподняя натуральная. – Вскинул руки, шалым взглядом обвел вздыбленные пики. – Суровые места! Суровые! Я предлагаю выходить отсюда кратчайшим и безопасным путем.

Последняя фраза была адресована мне с Лидой. Уворачиваясь от дыма, Алеша обошел вокруг костра, ногами подтолкнул в огонь концы сучьев и с иронической усмешкой закончил:

- А все это зверье ты можешь с большим комфортом и меньшими затратами видеть по телевидению и в зоопарке. – Помолчал и уточнил, - если, разумеется, когда-нибудь нас отсюда выведут.

Этот, по-видимому, выношенный монолог прозвучал для нас, как публичное объявление Алешиного мнения. Теперь он освободился от бремени, заметно оживился и излучал готовность всех нас вызвать на словесную дуэль. Татьяна, решительно настроившаяся отчитать своего столь неудачно дебютировавшего в тайге приятеля, стояла с побледневшим лицом и уничтожала Алешу взглядом. Не припомню случая, чтобы за время нашего непродолжительного общения, Таня совершила или высказала что-либо опрометчивое. И сейчас, оставаясь верной своему благоразумию, она подавила вспышку гнева.

Обеспокоенный назреванием драматической ситуации, чего он не переносит, Фред поспешил безхитростно вмешаться:

- Ну, а у вас что было интересного?

Резко вскочив, Алеша проворно взбежал на площадку и скрылся в палатке. Быстро вернулся и торжественно протянул Алику ученическую тетрадь. На первой странице во весь лист, как символ Алешиных впечатлений, был изображен комар с носом-стиллетом. Следующие страницы были заполнены изображениями этих же чудовищных кровопийц во всевозможных устрашающих позах. Рисунки были исполнены столь искусно, что сделали бы честь любому художнику-анималисту. Чтобы достичь подобного успеха, по-видимому, мало одних способностей, это надо еще и выстрадать. Столь лаконичное и наглядное объяснение Алешиных впечатлений развеяло агрессивность Татьяны. Даже мне его стало немного жалко. Поистине каждый видит то, что желает видеть.

Для нас настала блаженная пора отдыха. Еще засветло повалились спать. Утренний подъем не объявлялся и, завтрак Татьяна подавала

в постель. Лишь после полудня все собрались у костра и обсудили дальнейший план действий. За дни ожидания Таня собрала в окрестностях лагеря образцы всех интересных растений. Теперь предстояло собрать гербарий в области каровых озер. Мне не терпелось уже взойти на самый высокий в округе голец Ки-Ту-Коль, откуда должна была открыться трасса последнего участка нашего пути. За дни отдыха нога у Алеши болеть, по-видимому, перестала. Лишь временами, вспоминая о травме, он пытался неуклюже прихрамывать то на одну, то на другую ногу. Когда Лида предложила переместить лагерь к подножью Ки-Ту-Коль, в район верхнего озера, Алеша обрадованно заверил, что он в форме и первый принялся укладывать рюкзак. Немаловажным стимулом для него послужило заверение в том, что под гольцом комаров меньше. Удивительно, но почему-то из всего, атаковавшего нас комариного войска, Алешу преследует большее их количество, чем всех нас вместе взятых. По этому поводу Фред умозаключил:

- Наверно это способность тайги выражать несовместимость с инородным телом.

Теперь наши рюкзаки стали не более как полторапудовые и мы двинулись на штурм предгольцовой морены. Вскоре основная тропка разделилась на множество менее торных, уводящих в боковые ложки, а затем совсем затерялась в зарослях ерника. Движение по морене лишено однообразия и на небольшом отрезке испытываешь калейдоскоп впечатлений, отдавая взамен много энергии. То вспученные, то просевшие террасы испещрены замаскированными провалами, трещинами, валунами, скалистыми грядами. Каждое углубление – озерцо или болотце. С террасы на террасу карликовыми водопадами спрыгивают ручейки. Непролазный кустарник цепко хватается за одежду и вынуждает спотыкаться на каждом шагу. Ближе к склонам путь преграждают окончания осыпей, сложенные из хаотически нагроможденных

крупных каменных глыб. Неожиданно вырвавшись из плена ерника, попадаешь на изумрудную лужайку, охваченную буйным пламенем купальниц. Соседняя полянка щедро усыпана синими граммофончиками горечавок, жадно устремивших к небу раструбы. Так хочется этот приземистый, всегда готовый наполниться влагой цветок назвать водосбором. А истинные водосборы, удивленно разглядывающие горечавок с высоты, напоминают худеньких девченок-подростков в синих панамках. Возвышаясь над зеленым ковром, приветливо кивает радостная ярко-желтая дороника. С каждым шагом восходишь все выше и все ниже приникает к земле кустарник, все чаще расступается освобождая пространство для буйного фестиваля цветов.

Возвышенный, сухой берег предпоследнего из озер, нанизанных на шумливую ниточку Дыряха лазурным ожерельем, избрали для лагеря. Здесь, в километре от границы леса поселился и прочно закрепился старый отшельник кедр. Когда-то и у него были соседи, но они давно уж высохли до звона, будто приготовились сослужить нам последнюю службу.

За время полуторачасовой ходьбы Алеша так перенапрягся, что на последнем привале вновь изобразил полнейшую неспособность двигаться дальше. В это трудно было поверить и мы не стали задерживаться, чтобы успеть засветло оборудовать ночлег. Уже стоянки слышали его страдальческий крик. Лида не выдержала впервые:

- Ребята, он нас просто дурачит. По-моему его придется подгонять ремешком.

Я усмехнулся, ничего не ответил и занялся установкой палатки, но про себя подумал, что если так будет продолжаться, то пропишу Алеше допинг похлеще ремешка.

Перекликаясь с нами, Алеша, наконец, в сумерках притащился в лагерь и занял место у костра. Управившись с делами, я перед сном, как обычно, записал в дневник впечатления дня. Не подозревая о том, какие это вызовет последствия, записал свою мысль о том, как воздействовать на Алешу, чтобы из отстающих он вырвался в лидеры. Хотя, признаться, и сам не знал каким образом поступить.

Погода испортилась. Купол неба помутнел, прогнулся под тяжестью туч и осел на острия вершин. Второй день моросит мелкий как пыль, пронзительный дождь. Полукольцо цирка зябко сжалось и придвинулось к лагерю, словно в надежде обогреться у нашего костра. Дальние горы скрылись за матовой завесой. Неприятливая Ки-Ту-Коль хмуро нависла над лагерем и, распустив по ветру грязно-серые космы, с глухим утробным ворчанием погромыхивает камнепадами. С высоты непрерывно слышится злобный вопрос

- Ш-ш-ш-што вам здесь надо?

Приникшее к ее подножью озерцо, будто взывая пощадить нас, то умоляюще смотрит ввысь, то безнадежно нахмурится, помрачнеет и, вдруг, испугавшись собственной дерзости, стушует, задрожит.

Неуютно, зябко, сыро. От одной мысли оставить спальник и вылезти из палатки, охватывает дрожь. У меня разболелась голова, Лида и Алик тоже недомогают. Татьяна, хлюпая разбухшим носом, ставит диагноз нашим недугам:

- Акклиматизация. Ускорить процесс выздоровления можно восхождением на Ки-Ту-Коль.

Как всегда права. Конечно недуг порожден затянувшимся безделием и неумеренным сном. Время идет, продукты кончаются, а я все еще не разведаль прохода через барьер Дыряхского цирка в

бассейн соседней речки Тузак-Ту. Ботаникам осталось на день работы. Вчера девчата отважно мокли полдня, обследуя морену. Непросушенному до сей поры сбору угрожает гибель. На скорое улучшение погоды надеяться не приходится, и без того она баловала нас долгое время. Надо действовать и уходить из этого каменного мешка, как образно характеризовал наше местонахождение Алеша.

Еще лежа в спальниках, прямо из палатки, через бинокль тщательно осмотрели с Аликом склон Ки-Ту-Коль. Гора кажется неприступной. Пологие у подножья осыпи вскоре взметываются к отвесной скалистой круче, прорезанной бороздами кулуаров и лавинных лотков. Отдельные глубокие ложбины заполнены снегом. Слева от седловины горбится сравнительно пологий острый гребень, похожий на зубчатую спину стегозабра. Подниматься решили гребнем.

Когда Фред и я снарядились для штурма, девчата не устояли перед соблазном составить нам компанию. Алеша пожелал поддерживать очаг и получил от Лиды задание просушивать гербарий, если дождь прекратится.

Штормовки, обладающие ценным качеством быстро просыхать, сразу промокли насквозь. Но разогретые подъемом, мы уже не испытывали озноба, сковывавшего нас в первые минуты по выходе из лагеря.

Ноги не находят надежной опоры ни на покрытых скользкими, бледными лишайниками камнях, ни на размякшей от влаги, податливой почве. От самого подножия вынуждены двигаться на четырех точках опоры. Вскоре Лида обнаружила какую-то интересную травку, затем еще один редкий вид. Неподалеку от голой каменной короны, где я уже не замечаю ни одной чахлой былинки, ее взору открылось целое богатство. Восторженно

щербача, девчата принялись извлекать из щелей какие-то невзрачные, тощие растеньица. Следуя от находки к находке, мы уклонились вправо от гребня и пробрались в такой крутяк, что каждый, поглядывая вниз, ощущая посасывание под ложечкой. Однако исследовательский экстаз увлекает Лиду в крутяк еще более жуткий. Обменявшись мнениями, мы с Аликом заключили, что она не в себе от счастья и что пора ее остановить. Повторяя:

- Сейчас, сейчас, мальчики, - Лида распласталась над бездной и обрела очередное сокровище. Теперь руки у всех заняты находками, а уложить их в сетку на почти отвесном склоне – задача не из легких. Пробираясь обратно к гребню, Фред попытался помочь Лиде взобраться на очередной уступ. Окинув его удивленным взглядом, Лида усмехнулась:

- Это что-то новое. Не часто нас в поле балуют джентльменством и галантностью.

Фред медленно убрал руку помощи, что-то произнес на утино-лягушачьем языке и, продолжая кричать, устремился к вершине.

Дождь прекратился и на западе появилась все увеличивающаяся синяя полоска. Зато пронзительный ветер усиливался по мере нашего приближения к вершине. Неистово терзая облака, он беспощадно пластает из нас куски и швыряет в нас влажными лохмотьями. На вершине обнаружили ветхий от времени деревянный тригопункт. Мысленно представив себе каких трудностей стоило геодезистам доставить сюда строительный материал, преклоняемся перед их способностями и упорством. Наверно это были необыкновенные ребята. На табличке предупреждение о карах, грозящих тому, кто осмелится разрушить или повредить тригопункт. Думается, что у того, кто испытал трудности подъема сюда, вряд ли поднимется рука причинить вред

этому несложному сооружению, ставшему священным памятником человеческому упорству.

(Окончание, к огромному сожалению, утрачено.)